

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА

ВЪ 1866 ГОДУ. (*)

(Статья четвертая и последняя.)

IX.

ОТЪ КЕНИГГРЕЦА ДО ВЪНЫ.

Кениггрецскій погромъ произвелъ въ западной Европѣ впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ меньше его ожидали. Первымъ удачамъ прусаковъ плохо вѣрили, благодаря австрійскимъ и южно-германскимъ газетамъ, расписывавшимъ на всѣ лады подвиги армій Бенедека. Да и трудно было вѣрить, принявъ въ расчетъ разницу въ боевой опытности противниковъ. По одному изъ тѣхъ странныхъ противорѣчій, которыя умъ чело-вѣческой вмѣщаетъ въ себѣ непостижимымъ образомъ, даже самые преданные адепты мирно-военной рутины, столь отстаиваемой въ спокойное время, не надѣялись, чтобы прусская армія, которая кромѣ этой рутины, повидимому, ничего не имѣла, могла одолѣть австрійскую армію, имѣвшую недавній боевой опытъ, хотя и не совсѣмъ счастливый, но основательный (1859). На то же, что прусская мирная рутина не очень была далека отъ требованій боя (**), что между прусскими военачальниками нашлись люди настолько сильные, что даже и безъ боевой практики легко стали на точку боевой логики и сразу покончили со всѣмъ тѣмъ, что въ прусскихъ порядкахъ было для боя непригоднаго; на то, наконецъ, что у прусаковъ недостатка въ деньгахъ (***) не было—на все это какъ-то не обратили вниманія.

Первымъ послѣдствіемъ пораженія было то, что Австрія отказывалась наконецъ отъ Венеціанской области въ пользу

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 3, 4 и 5.

(**) Принимая въ расчетъ національный характеръ.

(***) Монтевукали говаривалъ, что на войнѣ нужны три вещи: деньги, деньги и деньги.... Съ нимъ нельзя не согласиться, предполагая, конечно, нравственные и умственные данія войскъ и начальниковъ удовлетворяющими требованіямъ боя и войны.

императора Наполеона. Этимъ дипломатическимъ маневромъ, вѣроятно, думали достигнуть двухъ цѣлей: обезпечить себѣ и посредничество Наполеона въ переговорахъ о мирѣ, и вліяніе его на Италію въ томъ смыслѣ, чтобы побудить ее отказаться отъ союза съ Пруссіею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Вѣнѣ были приняты мѣры, показывавшія, что тамъ и не думали о прекращеніи борьбы, слѣдовательно не имѣли еще яснаго понятія о состояніи сѣверной арміи. Министръ финансовъ уполномоченъ былъ выпустить ассигнацій на 200,000,000 гульденовъ; 7-го іюля къ венграмъ обратились съ манифестомъ, выражавшимъ увѣренность, что они, въ силу старинной преданности (?), посвящать добровольно стать подъ знамена для защиты своего отечества, угрожаемаго опасностію. 10-го, подобный же манифестъ былъ адресованъ и къ прочимъ народностямъ, входящимъ въ составъ австрійскаго государства.

Но эти мѣры, за исключеніемъ первой, не имѣли ожидаемаго успѣха. Императоръ Наполеонъ дѣйствительно принялъ посредничество; но оно не подѣйствовало на первыхъ порахъ такъ, какъ, можетъ быть, рассчитывали. Предложеніе, сдѣланное Виктору-Эммануилу со стороны императора французовъ, о прекращеніи войны, по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ, привело къ рѣшенію продолжать войну, какъ будто не произошло никакой перемѣны въ отношеніяхъ между Австріей и Италіею. Венгры вало отозвались на призывъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отиѣчали на него просьбою объ утвержденіи основаній, опредѣляющихъ отношенія ихъ къ габсбургскому дому; не менѣе вало отозвались на призывъ и прочія народности.

Предложеніе о перемиріи, сдѣланное 4-го іюля черезъ Габденца, непосредственно изъ главной австрійской квартиры, также было отклонено пруссаками: и потому, что они были связаны извѣстными обязательствами относительно Италіи, и потому еще, что согласиться на перемиріе значило дать время австрійцамъ собраться съ силами для возобновленія борьбы, за исходъ которой никто поручиться не можетъ, сколько ни имѣлъ бы шансовъ на своей сторонѣ.

Преслѣдованіе австрійцевъ. Недостатокъ настойчивости въ преслѣдованіи въ день боя и потеря цѣлаго дня 4-го іюля были великимъ счастіемъ для австрійцевъ. Въ эти сутки они, несмотря на полное разстройство, все же на столько успѣли

уйти, что когда, 5-го, пруссаки принялись за преслѣдованіе, пришлось разыскивать, по какимъ именно направленіямъ отступление совершено.

Предметами дальнѣйшихъ дѣйствій пруссаковъ могли быть или Ольмюцъ, или Вѣна; но первый былъ не страшенъ, такъ какъ дѣйствующая австрійская армія надолго была приведена въ неспособность переходить въ наступленіе — единственное условіе, при которомъ укрѣпленный лагерь приобретаетъ активную силу. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ неизвѣстно было направленіе, по которому Бенедекъ отступилъ, и такъ какъ, несмотря на потерянное время, нельзя было терять надежды увеличить разстройство его арміи преслѣдованіемъ, рѣшено дать такое направленіе прусскимъ силамъ, при которомъ было бы одинаково легко стать фронтомъ къ Вѣнѣ или же къ Ольмюцу.

Вслѣдствіе этого, 5-го іюля. *II армія*, по переправѣ черезъ Эльбу у Пардубица и сѣвернѣе, направлена *къ Ольмюцу*, оставивъ 6-й корпусъ для обложенія Кенигсбурга, который попытаться, 5-го же, принудить къ сдачѣ бомбардированіемъ изъ полевыхъ орудій, но безуспѣшно; *I армія*, по переправѣ у Приелауча, *къ Брюну*; *эльбская армія*, по переправѣ у Эльбштейница, *къ Илау*.

Такимъ образомъ, три прусскія массы приняла за Эльбой расходящееся направленіе; но эта разброска силъ, несмотря на то, что около 15-го она увеличила фронтъ дѣйствій пруссаковъ верстъ до 140 (Проешицъ-Люнденбургъ-Цнаймъ), составляла превосходную мѣру, ибо, не будучи опасною, между тѣмъ облегчала движенія, продовольствіе, а слѣдовательно и сбереженіе войскъ. Въ искусствѣ воярства сосредоточить войска и воярства ихъ разбросать лежитъ одинъ изъ великихъ залоговъ на успѣхъ въ войнѣ.

Въ тотъ же день, т. е. 5-го, гвардейская резервная дивизія, прибывшая 3-го вечеромъ къ прусской арміи, направлена для занятія Праги и вступила туда 8-го іюля. Туда же направлено и резервный корпусъ генерала Мюльбе, наступившій изъ Дрездена 11-го іюля. Съ занятіемъ Праги, пруссакамъ представлялась возможность возстановить желѣзнодорожное сообщеніе съ Берлиномъ, черезъ Пардубица, Прагу, Краупъ, Турнау, Райхенбергъ.

Отступление австрійцевъ. 4-го іюля перемишавшія части австрійскихъ и саксонскихъ войскъ отступали по направленію

на Гогенмаутъ; 2-я легкая кавалерійская дивизія, II корпусъ, менѣе другихъ пострадавшій, и впереди его IV шли сѣвернѣе главной массы, направляясь, согласно диспозиціи, тоже на Гогенмаутъ. Только 5-го, въ теченіе дня, изъ главной квартиры разослано приказаніе безъ подписи, на основаніи котораго главные силы должны были слѣдовать на Гогенмаутъ, Цвйттау, Моравску Тржебову къ Ольмюцу, а II и IV корпуса туда же, но сѣвернѣе главныхъ силъ, составляя, слѣдовательно, относительно ихъ правую колонну.

Въ ночь съ 11-го на 12-е, правая колонна достигла наконецъ Ольмюца въ семь переходовъ, имѣвъ на пути одну только дневку. На пути эта колонна, какъ и главная, не терпѣла отъ преслѣдованія, благодаря известной уже потерѣ времени пруссаками.

Распределеніе колонны главныхъ силъ, при слѣдованіи по указанному направленію, было измѣнено въ томъ только, что по достиженіи желѣзной дороги, 7-го іюля, X корпусъ рѣшено было отправить по этой послѣдней къ Дунаю. Туда же направлены три резервныя и первая легкая кавалерійскія дивизіи; послѣдняя составляли крайній лѣвый флангъ движенія и отступала на Иглау. Около 12-го и части главной колонны также вступили въ ольмюцскій лагерь.

Пруссаки подвигались по указаннымъ направленіямъ на столько быстро, на сколько то позволяли большія массы и необходимость въ каждой изъ нихъ раздѣленія на нѣсколько колоннъ, изъ которыхъ весьма немногимъ приходилось идти по шоссе. Наступленіе шло безпрепятственно. Только 7-го прусскіе кавалерійскіе отряды достигли наконецъ австрійцевъ, а 9-го въ авангардѣ II арміи произошла незначительная кавалерійская стычка.

6-го, въ Пардубицъ перенесена главная квартира короля и осталась тамъ до 9-го. 8-го прибылъ туда вторично Габелль, для переговоровъ о перемиріи на срокъ отъ восьми недель до трехъ мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы войска оставались на занимаемыхъ ими мѣстахъ и на условіи сдачи пруссакамъ Йозефштата и Кралеграда, безъ гарнизона и военныхъ запасовъ. Это предложеніе также было отклонено.

9-го главная квартира короля перенесена въ Гогенмаутъ, II армія достигла Моравской Тржебовы и Цвйттау; I стояла

въ трехъ переходахъ отъ Брюнна; армія Герварта—въ одномъ переходѣ передъ Иглау. Въ тотъ же день, въ Моравской Тржебовѣ пруссаки перехватили почту, въ которой нашли распоряженія Бенедека, и изъ нихъ впервые узнали, что на Брюннѣ направлены только X корпусъ и четыре кавалерійскія дивизіи, а остальные силы двинуты къ Ольмюцу.

Это обстоятельство должно было вызвать, и действительно вызвало, попытку отрѣзать главные силы австрійской арміи отъ Вѣны, чѣмъ и обусловились дальнѣйшія движенія прусской арміи. Предположено поставить въ возможно-скоромъ времени I и II арміи въ промежутокъ между Ольмюцемъ и Вѣною. Вслѣдствіе этого II армія получила приказаніе идти на Просницъ, въ обходъ Ольмюца съ юга; I армія, занявъ Брюннѣ, должна была свернуть на юго-востокъ и достигнуть возможно быстрѣ Годонина и Люденбурга. Эльбской арміи предписано, по достиженіи Цнайма, повернуть на востокъ и слѣдовать вдоль рѣки Тайна, для содѣйствія принцу Фридриху-Карлу въ овладѣніи Люденбургомъ.

10-го іюля главная квартира перенесена въ Цвйттау, гдѣ осталась и на слѣдующій день, вслѣдствіе прибытія французскаго посла Бенедетти, явившагося съ предложеніемъ посредничества императора Наполеона въ переговорахъ о мирѣ.

Между тѣмъ, исполняя известныя уже приказанія, I армія достигла Брюнна 13-го, имѣя авангарды за нимъ въ направленіи на Годонинъ и Люденбургъ; въ этотъ же день прибыла въ Брюннѣ и главная квартира короля. Авангардъ II арміи дошелъ до Просница 14-го; эльбская армія находилась на маршѣ къ Цнайму, котораго достигла 15-го іюля.

15-го іюля Годонинъ занятъ 8-й дивизіей (Горна), между тѣмъ какъ у Ольмюца послѣдовалъ рядъ стычекъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ прегражденіе австрійцамъ прямого пути на Вѣну.

Такъ какъ въ содѣйствіи Герварта I арміи не оказалось надобности, то его корпусъ направленъ отъ Цнайма прямо на Вѣну, черезъ Голабрюнъ и Штокерау (*). Только дивизія Этцеля отдѣлена западнѣе, на Кремсъ.

Положеніе австрійцевъ въ Ольмюцѣ и отступленіе къ Вѣнѣ.

Большая часть корпусовъ австрійской арміи прибыли въ Ольмюцъ въ весьма плохомъ положеніи: за исключеніемъ II

(*) На Дунаѣ, верстахъ въ 20 выше Вѣны.

корпуса, каждый изъ остальныхъ представлялъ силу не болѣе какъ въ 10,000—15,000 человекъ. Бенедекъ энергически принялся за восстановление ихъ устройства; но для этого необходимо было остаться въ покоѣ хотя нѣсколько дней, что имѣло весьма неблагоприятныя послѣдствія.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о кениггрецскомъ пораженіи, изъ Вѣны послали графа Менсдорфа для изслѣдованія причинъ неудачи. Неизвѣстно, открылъ ли графъ какой-либо положительный пунктъ обвиненія противъ Бенедека, но только этого послѣдняго смѣнили, потребовали въ Вѣну и предали тамъ суду.

Главнокомандующимъ всѣхъ австрійскихъ силъ назначенъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, начальникомъ штаба—генералъ Юнгъ. Выѣстъ съ тѣмъ утверждены нѣкоторыя, еще прежде состоявшіяся, назначенія: Гондрекура—командиромъ I корпуса, Вебера—командиромъ VIII, Зайчека—IV.

13-го іюля эрцгерцогъ Альбрехтъ объявилъ о вступленіи своемъ въ командованіе всѣми сухопутными силами, прибавилъ между прочимъ: „Могучѣе прежняго собирается армія, испытанная въ бояхъ и составленная изъ войскъ, славныхъ своею храбростію и упорствомъ; эта армія, воодушевленная недавно одержанною побѣдою (*) и жаждою отмстить за незаслуженную неудачу, ждетъ только случая, чтобы положить конецъ высокому брѣю врага. Исполнимъ же дружно и единодушно эту великую задачу, помни, что *успѣхъ бываетъ на сторонѣ того, у кого голова и сердце на мѣсть, кто умѣетъ обдумывать хладнокровно и дѣйствовать рѣшительно, и что только тотъ гибнетъ, кто не увѣренъ въ себя и самъ отчаявается въ успѣхъ*“.

Слова глубоко вѣрныя; но изъ словъ они становятся дѣломъ тамъ, гдѣ ихъ помять не только въ минуту бѣдствій, но и при мирномъ воспитаніи арміи... На войнѣ нельзя разомъ сдѣлаться энергическимъ и упорнымъ, когда въ мирное время добивались совершенно обратнаго.

Одною изъ первыхъ мѣръ эрцгерцога Альбрехта было приказаніе Бенедеку немедленно направить къ Вѣнѣ по желѣзной дорогѣ и по обыкновеннымъ дорогамъ всю сѣверную армію. Вслѣдствіе этого, часть саксонскаго корпуса (кромя кавалеріи) и III австрійскій предположено перевезти по желѣзной дорогѣ, а для прочихъ войскъ штабомъ сѣверной арміи составленъ маршрутъ для движенія черезъ Бремзиръ, Годонинъ, Штамп-

(*) Въ Италиі.

фень и Пресбургъ въ окрестности Вѣны, куда они должны были прибыть 24-го и 25-го іюля (*). Въ первомъ эшелонѣ назначено идти IV и II корпусамъ, 16-го іюля; за ними, во второмъ эшелонѣ — VIII и I, 17-го іюля; VI двинуть отъ Ольмюца на востокъ, къ Вейсирхену, дабы идти оттуда къ Пресбургу вдоль Малыхъ Карпатовъ, долиною рѣки Ваагъ. Но, вслѣдствіе донесеній о приближеніи непріятеля, движеніе начали двумя днями ранѣе предположеннаго.

По желѣзной дорогѣ успѣли отправить не болѣе сорока повозовъ, когда авангардъ I прусской арміи, съ занятіемъ Годонина и Люнденбурга, пресѣкъ австрійцамъ это сообщеніе. Какъ уже знаемъ, первый изъ этихъ пунктовъ занятъ 15-го іюля Горномъ, который на слѣдующій день двинулся къ Люнденбургу и безъ сопротивленія также занялъ его; часть бригады Мондла, расположенная въ этомъ пунктѣ, съ приближеніемъ прусаковъ, сѣла на заранѣе приготовленный повозъ и уѣхала въ Пресбургъ.

16-го большая часть I арміи, черезъ Гедвингъ и Люнденбургъ, направилась къ Моравѣ и, 17-го, по переправѣ чрезъ эту рѣку, прервала сообщеніе съ Ольмюцемъ и по обыкновеннымъ дорогамъ.

Дѣла у Тобичау. (См. планъ № 2-й bis.)

Въ то же время передовыя части II прусской арміи наткнулись на войска, выступавшія изъ Ольмюца.

14-го іюля двинулся отъ Ольмюца первый эшелонъ (II и IV корпуса и 16 эскадроновъ саксонской кавалеріи).

Въ этотъ день IV корпусъ долженъ былъ прибыть въ Когетейнъ (**), а II въ Тобичау. Обоимъ этимъ корпусамъ назначено слѣдовать по правому берегу Моравы, выдвинувъ въ видѣ боковыхъ авангардовъ вправо по одной бригадѣ и пустивъ тяжелый обозъ по лѣвому берегу Моравы.

IV корпусъ, слѣдовавшій впереди, безъ всякихъ случайностей достигъ Когетейна.

II корпусъ, миновавъ Ольмюць, достигъ Тобичау, гдѣ и расположился на бивуакъ. Бригада Сифрана съ двумя саксонскими эскадронами, прикрывавшая маршъ съ правой стороны, дошла до Бискуницъ, гдѣ осталась въ видѣ авангарда, выставивъ аванпосты къ сторонѣ непріятеля.

(*) См. планъ театра войнъ въ № 3 „Военнаго Сборника“.

(**) Вѣрстакъ въ 7 верстахъ вправо.

Еще до полудня получено было донесение о томъ, что Просницъ занятъ и что въ окрестностяхъ этого пункта сосредоточены значительныя непріятельскія силы. Это были передовыя части II прусской арміи.

Кавалерійская дивизія этой арміи шла въ авангардъ, въ направленіи отъ Моравской Тржебовы на Просницъ, выслать впередъ, для собственнаго охраненія, 1-й гусарскій полкъ. На нее, кромѣ охраненія, возложена была еще обязанность испортить желѣзную дорогу и телеграфъ отъ Ольмюца на Вѣну. Командиръ 1-го гусарскаго полка, достигнувъ Просницъ, 14-го, собирался выставить аванпосты и расположиться на бивуакъ, когда получилъ донесеніе, что у Враговицъ открыто нѣсколько непріятельскихъ эскадроновъ. Гусары двинулись впередъ, встрѣтили два саксонскихъ эскадрона бригады Сафрана, посланные на аванпосты, опрокинули ихъ и преслѣдовали до Бискупицъ, откуда, наткнувшись на эту бригаду, принуждены были отступить. Саксонцы заняли прежнюю аванпостную линію, въ подкрѣпленіе которой выдвинуть одинъ баталіонъ, поставленный за нею въ дивизионныхъ колоннахъ.

Въ тотъ же день, часовъ около двухъ пополудни, 1-й прусскій кирасирскій полкъ, посланный на Тобичау и Прерау, для порчи желѣзной дороги и телеграфа, потѣснилъ аванпосты, наткнулся на этотъ австрійскій баталіонъ, прорвалъ одно изъ дивизионныхъ каре, но былъ остановленъ и возвратился къ Просницу, не исполнивъ своего назначенія.

Обо всемъ этомъ изъ штаба II корпуса послали донесеніе въ Ольмюцъ, съ прибавкою, что дальнѣйшій маршъ вдоль Моравы едва ли будетъ возможенъ.

Это имѣло слѣдствіемъ полную перемѣну маршрута: II и IV корпусамъ предписано свернуть влево и, перейдя Малые Карпаты, направиться долиною Ваага въ Пресбургъ; I и VIII, бывшіе еще въ Ольмюцъ, получили приказаніе слѣдовать черезъ Прерау, въ долину Ваага, также къ Пресбургу.

На слѣдующій день IV корпусъ и за нимъ II продолжали движеніе по прежнему направленію. Последній, подходя къ Кремзиру, услышалъ за собою въ сторонѣ Тобичау канонаду: то были части втораго австрійскаго эшелона, атакованныя прусскими войсками кавалерійской дивизіи и 1-го корпуса.

15-го іюля генераль-майору Малоткѣ, командиру 3-й прус-

ской бригады (*), приказано съ разсвѣтомъ двинуться черезъ Просницъ и Грубшицъ на Тобичау и Траубекъ, занять эти пункты и переправы и держаться на нихъ до тѣхъ поръ, пока кавалерійская дивизія не испортитъ желѣзной дороги у Прерау. Отъ Грубшица уже видно было движеніе сильныхъ колоннъ въ сторону Буба, въ направленіи Ольмюцъ-Тобичау; слѣдовательно, прусаки шли какъ-разъ противъ фланга этой колонны, состоявшей изъ войскъ VIII корпуса. Боковой авангардъ этого послѣдняго (бригада Роткирха: 25-й и 71-й полки, егерскій баталіонъ, эскадронъ и четыре батареи) занялъ позиціи у Ракодау и Тобичау, для защиты мостовъ черезъ рѣчку Блатту, имѣющихся у Бискупицъ, Клопотовицъ и Виклицеръ-Гофа.

Тобичау былъ занятъ тремя ротами; лѣсокъ съвернѣе этого пункта—двумя; еще съвернѣе, шагахъ въ 1,000, на ольмюцскомъ шоссе, стояла батарея. Остальная часть бригады, съ тремя батареями, расположена впереди Ракодау.

Бригада Малотки, пройдя Грубшицъ, выстроилась въ двѣ линіи (**), фронтомъ къ Тобичау, имѣя батарею на лѣвомъ флангѣ; лѣвѣе послѣдней выстроилась подоспѣвшая кирасирская бригада дивизіи Гартмана.

Для атаки непріятеля отданы слѣдующія приказанія: 2-й баталіонъ 44-го полка направленъ на Виклицеръ-Гофъ; 3-й на Клопотовицъ; 1-й шелъ за серединою и нѣсколько позади, дабы поддержать, смотря по обстоятельствамъ, одинъ изъ переднихъ баталіоновъ.

Кирасирамъ приказано идти на Ракодау, въ случаѣ, если удастся найти переправу у Бискупицъ; батарея, усиленной векоръ двѣнадцатью конными орудіями, расположиться на возвышенномъ берегу по сю сторону Блатты, между Бискупицъ и Клопотовицъ, и содѣйствовать своимъ огнемъ наступленію пѣхоты и кавалеріи.

Австрійцы выставили впереди Ракодау три батареи и открыли огонь по прусской артилеріи съ разстоянія около трехъ верствъ. Между тѣмъ, 5-й прусскій кирасирскій полкъ, найдя мостъ у Бискупицъ разрушеннымъ, перешелъ къ Клопотовицамъ и началъ переправляться на восточный берегъ Блатты; 1-й кирасирскій полкъ оставленъ по сю сторону Блатты, у Бискупицъ; почти въ то же время 3-й и 1-й баталіоны 44-го полка

(*) 4-й и 44-й полки, 1-суитовая батарея.

(**) 44-й полкъ въ первой линіи въ ротныхъ колоннахъ, 4-й—во второй.

начали переправу у Виклидере-Гофа, по имѣющимся тамъ двумъ мостамъ; туда же притянуть и 2-й баталіонъ отъ Клопотовиць, который по переправѣ и занялъ мѣсто между первыми двумя, построившись, какъ и они, въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, заднія роты вмѣстѣ. За 4-мъ началъ переправу 4-й полкъ въ то время, когда первый двинулся въ атаку на лѣсокъ, лежащій сѣвернѣе Тобичау. Батарея, стоявшая сѣвернѣе лѣса, наносила довольно сильный уронъ лѣвому флангу 4-го полка. Но это не особенно помогло австрійцамъ: слабый отрядъ ихъ былъ выбитъ изъ лѣса, отступилъ за шоссе и расположился во рву его, перестрѣливаясь съ пруссаками, въ ожиданіи подкрѣпленій. Съ прибытіемъ этихъ послѣднихъ австрійцы сдѣлали попытку выбить пруссаковъ изъ лѣса, но не имѣли удачи, и, отступивъ за шоссе, опять начали перестрѣлку.

Послѣ этого пруссаки, притянувъ батарею съ западнаго берега Блатты, открыли огонь по австрійцамъ и затѣмъ сами перешли въ наступленіе; австрійцы, уклонясь отъ атаки, начали отступать по направленію шоссе, на Вированъ. Между тѣмъ, въ тылу у пруссаковъ, Тобичау было занято двумя ротами отъ 4-го полка, выбившими оттуда австрійцевъ.

Одновременно съ этой атакой 5-й кирасирскій полкъ произвелъ другую—на позицію у Ракодау, гдѣ были расположены главныя силы бригады Роткирха. На плато, впереди этого пункта, стояли, какъ уже извѣстно, три батареи. Полковникъ Бредовъ, построивъ эскадроны своего полка уступами, имѣя во 2-й линіи ландверный уланскій полкъ съ одною конною батареею, пошелъ на Ракодау, покровительствуемый волнистою мѣстностью, такъ что австрійцы, не замѣтивъ его приближенія, продолжали стрѣлять по 1-му кирасирскому полку, оставшемуся за Блаттою. Благодаря этой случайности, а еще болѣе тому, что командиръ ближайшаго прикрытія австрійской батареи, принявъ прусскихъ кирасировъ за своихъ, крикнулъ артиллеристамъ не стрѣлять (*), пруссаки наскочили на нее безъ вы-

(*) Этотъ фактъ прорученъ чаша черезъ три часа послѣ сраженія, когда забравши орудія прибыли въ Просвицъ, отъ командира батареи, сдѣлавшейся жертвою суевѣрности начальника артиллеріи. Трудно выразить отчаяніе и сдержанное бѣшенство этого бѣднаго батарейнаго командира, попавшагося за чужую вину. Штабъ генерала Штейнмеца сидѣлъ на обѣдѣ въ то время, когда его велич. вошелъ, остановился у дверей; холодный потъ, стиснутые зубы, слезы на глазахъ, чувствовалось истинно, что это несчастіе, достойное уваженія. «Не артиллеристы—сказалъ генералъ Штейнмецъ—притянули вашу австрійскую батарею раздвѣлить

стрѣла, охватили съ фронта и фланга и взяли 18 орудій почти въ комплектѣ, т. е. съ лошадьми и прислугой; кромѣ того, имъ попало въ руки семь зарядныхъ ящиковъ, также съ полной упряжкой. Успѣли ускакать только два орудія и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Кирасиры принялись заклепывать орудія. Въ это время противъ ихъ лѣваго фланга выѣхалъ изъ Ненаковиць одинъ эскадронъ; полковникъ Бредовъ бросился противъ него съ однимъ эскадрономъ и опрокинулъ въ Ненаковиць. Послѣ этого кирасиры, убравъ свою добычу, быстро ушли къ Клопотовицамъ, такъ какъ южнѣе, у Вирована, была открыта австрійская пѣхота, которая могла двинуться на выручку орудій; но ей было не до того: четыре баталіона бригады Малотки, преслѣдуя австрійцевъ, достигли Вирована и вскорѣ овладѣли имъ и Ракодау, безъ особенныхъ усилій и потерь. Прусская батарея немедленно выѣхала на позицію на высоту лѣвѣе Вирована и открыла огонь по австрійцамъ, отступавшимъ на Бубъ. Остальные два баталіона (4-го полка) съ меньшимъ успѣхомъ дѣйствовали на направленіи Тобичау-Траубекъ. Роты, выбившія австрійцевъ изъ Тобичау и поддержанныя остальными шестью ротами, преслѣдовали противника до Траубека, который заняли безъ затрудненій. Овладѣніе этимъ пунктомъ было весьма важно, ибо доставило пруссакамъ обезпеченныя переправы черезъ Мораву и Вечву, по ко-

обѣдѣ. Тѣ окружили его, увидели, завели разговоръ о томъ, какъ хорошо австрійскія артиллеріи стрѣляютъ, вспомнили о гваздиской канонадѣ: оказалось, что взятая батарея въ ней участвовала. Стали распрашивать, какую высоту прицѣла нужно было брать, чтобы стрѣлять на столь огрѣнное разстояніе. Но все напрасно: австрійцы то и дѣло позанимались въ томъ, что не получивши отъ командира приказанія, его бы не взяли такъ легко: «и то я командовалъ стрѣлять—назначилъ; не стрѣлять! не стрѣлять! это наши!» Я долженъ былъ повиноваться, и вотъ... Пруссы замолчали при этихъ словахъ и отнеслись къ нимъ съ такой деликатностью, какую дай Богъ всегда встрѣчать въ побѣдителя. Еще не успѣли побѣдять, имѣя австрійцевъ въ тылу, снисывая, что они не смѣютъ долѣе задерживать начальника конной; но его усадили, попросили не беспокоиться. Ибо и начальникъ конной тутъ, и ему молъ нужно побѣдять.—И правда, это частный случай; но охъ, какъ много рисуетъ достаточно духъ общества австрійскихъ артиллеристовъ. Не знаю, какою репутацией этотъ офицеръ пользуется у себя дома, но смѣло могу сказать, что трудно было вести себя достойнѣе въ бѣдѣ, и смѣло не рисовать. И потому мы, неопытные, позволимъ себѣ назвать его здѣсь по фамиліи: это былъ капитанъ Крезмеръ. Собираемся, чтобы дойти до него нашъ разсказъ; но если дойдетъ, пусть онъ послужитъ ему хотя слабымъ удовлетвореніемъ за несчастіе, которому всякая артиллерійская часть можетъ подвергнуться тѣмъ легче, чѣмъ чистѣе она исполняетъ свой долгъ.

торымъ можно было провести кавалерію и двинуть ее далѣе къ Прерау. Дѣло на нѣкоторое время прекратилось.

Генераль Боинъ, бывший при бригадѣ Малотки, съ началомъ дѣла послалъ приказаніе ближайшимъ частямъ своего корпуса идти къ Тобичау. Но онѣ предупредили это приказаніе, сами двинувшись на выстрѣлы, такъ что къ двумъ часамъ, когда возобновилось дѣло, къ Вискупницамъ подошла цѣлая бригада (*), она выдвинула свою батарею и открыла огонь противъ австрійской батареи, появившейся впереди Дубя. Канонада продолжалась до тѣхъ поръ, пока австрійцы, давъ время отступить хвосту колонны, не снялись съ позиціи и не начали отступать къ Ольмюцу.

Въ то же время генераль Гартманъ съ частію своей дивизіи (**) и съ ротой фузилеровъ, посаженной на подводы, направился къ Врбовцу, у котораго есть бродъ черезъ Бечву. Перейдя Бечву и оставивъ фузилеровъ для защиты этой переправы и команду для порчи желѣзной дороги и телеграфа, онъ двинулся въ промежутокъ между Рокеницъ и Длугоницъ, выстроивъ въ линію пять эскадроновъ, назначивъ шестой въ прикрытіе батареѣ, поставленной на лѣвомъ флангѣ, и два эскадрона оставивъ въ резервѣ. Послѣ непродолжительной канонады, линія бросилась въ атаку и смела австрійскій батальонъ. Въ это время замѣтили, что по шоссе, ведущемъ изъ Рокеницъ въ Прерау, множество повозокъ спасались на рысяхъ. Три эскадрона, отряженные въ этомъ направленіи, принялись валить повозки въ ровъ, когда съвериле Рокеницъ снялась съ передковъ австрійская батарея и открыла огонь; западнѣе Рокеницъ появились австрійскіе кирасиры, отъ Прерау гусары. Послѣ удачной стычки къ сторонѣ Прерау, пруссаки отступили за Бечву, уклоняясь отъ боя съ превосходными силами.

Это арьергардное дѣло довершило отдѣленіе Ольмюца отъ Вьны; войска, не успѣвшія выступить изъ перваго пункта, были отрѣзаны. 17-го іюля пруссаки заняли Прерау; 15-го, если припомнить, войсками принца Фридриха-Карла былъ занятъ Геддингъ, 16-го Люнденбургъ; 17-го весь 2-й корпусъ стоялъ уже въ окрестностяхъ Дюрнкрута, т. е. верстахъ въ сорока отъ Вьны; 4-й приближался къ Штампфену (см. планъ № 3-й);

(*) Г.-ж. Барнековъ, 3-й и 43-й полки, батареи.

(**) Три эскадрона № 2-го гусарскаго полка, два дивизіонныя гусарскія полка, эскадронъ уланъ, 1/2 эскадрона ландиерныхъ уланъ, батареи.

3-й стоялъ за ними въ резервѣ, у Никольсбурга и Фельдсберга; Гервартъ подходилъ къ Голлабрюну. Вместе съ тѣмъ II армія отъ Просница и Прерау приказано двинуться въ резервъ I арміи, на линію Брюннъ-Голитчъ.

18-го іюля главная квартира короля перенесена въ Брюннъ.

Положеніе въ Вьнѣ.

Быстрое приближеніе пруссаковъ къ Вьнѣ произвело тамъ понятное впечатлѣніе. Флорисдорфскія укрѣпленія, построенныя на лѣвомъ берегу для защиты столицы Австріи, еще не были окончены; значительная часть силъ находилась еще въ Милыхъ Карпатахъ; тотъ недостатокъ упорства и хладнокровія, который обнаружился на верху арміи, теперь проявился и на верху государства и долженъ былъ показать тѣмъ, до кого это касалось, что онъ свойство общее, генерическое, а не составляющее исключительной принадлежности нѣкоторыхъ только личностей.

Флорисдорфскія укрѣпленія были видимымъ признакомъ того, чего могла ожидать Вьна: испуганному воображенію гражданъ этой столицы ужасы въ родѣ бомбардированія, непріятельскаго занятія, казались неминуемыми; нѣкоторые симптомы въ самой столицѣ, и въ правительственныхъ при томъ сферахъ, указывали ясно на то, что бѣды не миновать. Министерства готовились къ отъѣзду; банкъ, архивы, арсеналь переведены въ Пешть.

При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ покорности и порабожденія, у которыхъ бы не развязался языкъ: страхъ жителей столицы выразился слѣдующимъ обращеніемъ городского совѣта къ правительству:

„Цѣлующія области государства заняты непріателемъ. Опасность грозитъ даже колыбели монархіи. Тысячи сыновъ и братьевъ нашихъ напрасно пролили кровь свою на поляхъ сраженій. Въ такіхъ трудныхъ времена представители Вьны не желаютъ входить въ разсмотрѣніе причинъ, вызвавшихъ настоящее серьезное положеніе дѣлъ: они могутъ только сказать, что это положеніе составляетъ не столько послѣдствіе неудачъ въ бою, сколько несчастной виѣнней и внутренней политики, которой слѣдовали въ теченіе столь долгаго времени. Теперь слѣдуетъ смотреть впередъ и показать себя достойными словъ, что „народы Австріи лучше всего познавали себя въ несчастіи“. Представители предвѣнныя столицы увѣрены, что народы Австріи исполняютъ это; они покажутъ, что она тѣ же самые, которые неоднократно, въ виду многочисленныхъ счастливыхъ противниковъ, не терпѣли укрѣп-

ности въ себѣ, а съ полною преданностію жертвовали всѣмъ для блага отчизны. Но они считаютъ себя вправе надѣяться, что, согласно основнымъ принципамъ, которые объявлены руководящими идеями управления, будетъ принята истинно-либеральная политика, при содѣйствіи совѣтниковъ, которые въ народномъ представительствѣ видятъ прочную опору благосостоянія Австрійской имперіи. Да сочтутъ за благо доверить армию болѣе счастливому вождю. Даи Богъ также, чтобы пришелъ къ благому рѣшенію поручить завѣдываніе дѣлами такимъ людямъ, твердость и политическія убѣжденія которыхъ служили бы народу залогомъ лучшаго будущаго. Это возбуждало бы въ насъ ту энергію и вѣру въ себя, которая намъ дали бы силу бороться съ самыми страшными невзгодами и быстро заживить тяжелыя раны самой кровавой войны⁶⁶, и проч.

Самыя сильныя опасенія вызвало воззваніе намѣстника нижней Австріи, который всю свою провинцію призывалъ къ оружію, между тѣмъ какъ значительная ея часть уже занята была пруссаками (*). Отозвѣвшихся на призывъ было мало, а броженіе получилось сильное, такъ что пришлось центральному правительству объяснять, что воззваніе обнародовано только для сбора волонтеровъ. Такъ или иначе, но расчетъ на силы области, наполовину занятой непріятелемъ, былъ по меньшей мѣрѣ преувеличенъ. Одна надежда была на Венгрію; но съ 1849 года эта страна заключилась въ ту систему апатіи и равнодушія къ интересамъ имперіи, которую можно назвать бунтомъ на колѣняхъ. Не воспользовалась она затруднительнымъ положеніемъ центрального правительства для того, чтобы возстать (**), но и ни малѣйшаго расположенія не обнаруживала къ тому также, чтобы призвать австрійскіе интересы своимъ интересамъ. Назначенный въ Венгрію усиленный (***) наборъ, встрѣтилъ такіа затрудненія, что его пришлось замѣнить сборомъ охотниковъ.

Маршъ австрійскихъ корпусовъ по долине Ваа. 16-го, первый эшелонъ войскъ, двигавшихся отъ Ольмюца къ Вѣнѣ, долженъ былъ направить свой маршъ по труднымъ горнымъ дорогамъ въ долину Ваа; 18-го онъ достигъ этой рѣки у Ваагъ-Нейштадта съ страшными усиліями. „Прекрасный духъ войскъ помогалъ имъ переносить всѣ трудности: безъ ропота они собиравались съ послѣдними силами, и многие изъ хрибрихъ на са-

(*) Что значитъ поусердствовать...

(**) Понятно Герцену, сделанная генераломъ Клаукою, съ венгерскими легіонами, въ сѣверо-западный уголъ Венгріи, была встрѣчена полѣзничимъ равнодушіемъ.

(***) Который можно безгранично также и называть военнымъ.

*можъ пути отдали душу Богу*⁶⁷. Остановка у Ольмюца принесла свои плоды.... Но это еще не все.

Въ Ваагъ-Нейштадтѣ получено приказаніе штаба сѣверной арміи, отъ 17-го, прибыть къ Пресбургу въ пять переходовъ съ одной дневкой, слѣдовательно къ 24-му. А уже знаемъ, что 18-го, т. е. въ день полученія этого приказанія, большая часть 1-й прусской арміи, стояла отъ Пресбурга не далѣе, какъ въ полтора или двухъ небольшихъ переходахъ, имѣя противъ себя одну бригаду X корпуса (Мондла), на позиціи у Кальтенбруна и Блуменау (см. планъ № 3); слѣдовательно, головной эшелонъ войскъ, шедшихъ отъ Ольмюца, могъ прийти туда по приведенному маршруту гораздо позже пруссаковъ.

Къ счастію для австрійцевъ, вмѣстѣ съ приказаніемъ изъ Ольмюца получено другое—изъ Вѣны—подкрѣпить возможно скорѣе бригаду Мондла. Исполнить его выпало на долю II корпуса. Составили новый маршрутъ, съ расчетомъ прибыть въ Пресбургъ 22-го. Слѣвано распоряженіе по дорогѣ заготовить подводы; но это успѣлъ сдѣлать не ближе, какъ въ Тирнау, куда корпусъ прибылъ 20-го. Шедшая въ головѣ его бригада Генрикеца тотчасъ же отправлена отсюда на подводахъ въ Пресбургъ, куда прибыла въ тотъ же день вечеромъ, въ восемь часовъ. За нею, форсированными маршами, слѣдовали двѣ кавалерійскія батареи, подъ прикрытіемъ двухъ саксонскихъ эскадроновъ.

На слѣдующій день по желѣзно-конной дорогѣ отъ Тирнау перевезены два эгерскія баталіона, назначенные наблюдать горные проходы, ведущіе отъ Моравы къ Георгену; пришелъ уланскій полкъ № 9 й, назначенный для той же цѣли и расположенный въ окрестностяхъ Рацендорфа.

21-го же еще одинъ пѣхотный полкъ перевезенъ по той же дорогѣ въ Пресбургъ, между тѣмъ какъ главныя силы корпуса были на маршѣ отъ Тирнау въ Вартбергъ. Въ ночь съ 21-го на 22-е и утромъ 22-го перевезены по желѣзной дорогѣ отъ этого послѣдняго пункта бригады Виртемберга и Тома. Остальныя части корпуса (*) выступили изъ Вартберга въ два часа по полнотчи, и къ восьми часамъ, т. е. къ началу боя, прибыли наконецъ къ Пресбургу, сдѣлавъ отъ Ваагъ-Нейштадта въ теченіе трехъ сутокъ около 90 верстъ елиномомъ, а отъ Ольмюца, въ теченіе недѣли (15-го—22-го іюля)—200 елиномомъ верстъ. Подобное движеніе, стоявшее жизни, по всей вѣроятности, не

(*) Бригада Ольмюца, артиллерійскій резервъ двѣ эскадроны саксонцевъ.

одной сотней людей, и которое не могло быть сделано безъ страшной суеты и нравственной тревоги, лучше всего показываетъ что значить потеря времени на войнѣ.

Современныя движенія прусаковъ и бой у Пресбурга.

21-го июля 8-я дивизія достигла Штампфена, авангардъ ея до Бистерницъ, а 7-я расположилась правѣ Штампфена, впереди Мархегга. За ними, на правомъ берегу Моравы, стояли остальные части I арміи; передовые посты ея къ сторонѣ Вѣны занимали линію Руссбаха, на Ваграмскомъ полѣ сраженія. Вторая армія занимала Никольсбургъ, Фельдсбергъ, Голчъ. Гервартъ сосредоточился у Штоккерау. Большая часть силъ могли быть сосредоточены къ одной изъ крайнихъ точекъ расположенія въ два перехода.

Прицъ Фридрихъ-Карлъ, зная, что переговоры о перемиріи значительно подвинулись и приближаются къ концу, 22-го, приказалъ произвести только усиленную рекогносцировку къ Пресбургу, разрѣшивъ дальнѣйшее наступленіе только въ томъ случаѣ, если къ тому представятся особенно выгодныя обстоятельства. Для рекогносцировки были назначены 7-я и 8-я пѣхотныя дивизіи и кавалерійскія генерала Гаа-фонъ-Вейерна, подъ командою генерала Францакаго. Неизвѣстно, чего собственно имѣлось въ виду добиться этой рекогносцировкой, но направленіе ея на Пресбургъ выбрано чрезвычайно удачно.

Пресбургъ съ окрестностями соединяетъ въ себѣ весьма важное стратегическое и тактическое значеніе. Онъ расположенъ у мѣста, въ которомъ Малые Карпаты упираются въ Дунай и тѣмъ образуютъ превосходныя позиціи для форсированія переправы на южный берегъ этой рѣки. Верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ Дуная, параллельно его теченію, отъ Моравы къ Пресбургу ведетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ проходовъ черезъ Малые Карпаты, что дѣлаетъ его, а слѣдовательно и Пресбургъ, узломъ всякихъ дорогъ, ведущихъ изъ столицы въ сѣверную часть Венгріи. Слѣдовательно, прусаки, занявъ его, отрѣзали бы большую часть Венгріи отъ Вѣны и получали бы возможность пользоваться ея средствами; мало того: они помѣшали бы соединенію четырехъ (*) или пяти корпусовъ, бывшихъ на маршѣ отъ Ольмюца къ Пресбургу, съ остальными силами Австріи, сосредоточивавшимися вокругъ Вѣны.

Но для этого нужно было попасть на Пресбургъ не 22-го

(*) I, IV, VI, VIII, а считая со II—пяти.

а 19-го или 20-го, чему, сколько можно судить по внѣшности, представлялась полная возможность. У Пресбурга до 20-го находилась только бригада Мондль съ девятью эскадронами и двумя 8-фунтовыми батареями. 21-го, вслѣдствіе донесеній о появленіи прусаковъ у Штампфена, Маріенталя и Балленштейна, полковникъ Мондль расположилъ свои войска между Кальтенбруномъ и Блюменау. Утромъ 22-го, около семи часовъ, онъ выдвинулъ на рекогносцировку два эскадрона уланъ, въ направленіи къ Нейдорфу. Они опрокинули прусскіе аванпосты, но наткнулись на 4 прусскіе эскадрона и были ими опрокинуты; тогда Мондль выдвинулъ впередъ всю свою кавалерію: этимъ и началось дѣло.

Мондль расположилъ три баталіона на высотахъ впереди Блюменау, баталіонъ — на высотахъ у Кальтенбруна; передъ правымъ флангомъ, въ верстѣ слишкомъ, занималъ передовую позицію еще одинъ баталіонъ; остальные два стояли въ резервѣ у Блюменау.

Въ открытомъ промежуткѣ между Кальтенбруномъ и Блюменау поставлены двѣ батареи, и за ними, въ соответственномъ разстояніи, два уланскіе полка.

Правый флангъ позиціи, у горы Гамзенъ и сѣвернѣе, обезпечивали три баталіона бригады Генрикеца. Остальныя части этой бригады составляли ближайшій резервъ бригады Мондль, верстахъ въ двухъ за Блюменау. Бригада Виртемберга стояла у Рацерсдорфа и впереди этого пункта; бригада Тома — у Пресбурга; егерскій баталіонъ этой бригады — на крайнемъ правомъ флангѣ, у Георгена; бригада Сафрана и корпусный артилерійскій резервъ — сѣверо-восточнѣе Пресбурга. Такимъ образомъ, австрійское расположеніе, считая по прямой линіи отъ Георгена до Кальтенбруна, занимало болѣе 14 верстѣ. Самая позиція Блюменау представляетъ протяженіе около трехъ верстѣ слишкомъ.

Французскій сообразилъ планъ для атаки этой позиціи по тому же общему типу, который представляетъ большинство боевыхъ столкновеній прусаковъ въ эту кампанію: 13-я, 14-я и часть 16-й бригады получили приказаніе, приближаясь къ позиціи съ фронта, открыть сильную канонаду, а 15-я направлена, въ пять часовъ утра, въ обходъ праваго австрійскаго фланга, отъ Бистерницъ, черезъ гору Гамзенъ къ Пресбургу.

Затѣмъ, когда обнаружится вліяніе этого обхода, предполагалось перейти въ наступленіе съ фронта.

Въ пять часовъ, генераль Вoze (командиръ 15-й бригады), захвативъ въ Вистерницѣ нѣсколькихъ поселянъ въ проводники, углубился по указанному ему направленію въ горы, подвигаясь весьма медленно по крайне труднымъ дорогамъ. Въ шесть съ половиною часовъ головной его отрядъ наткнулся на австрійскіе развѣзды. Между тѣмъ, съ фронта открыли весьма частую канонаду. Французскій, около семи съ половиною часовъ, получилъ уведомленіе, что въ двѣнадцать часовъ начнется перемиріе; но, рассчитывая, что ему, можетъ быть, удастся захватить до этого времени Пресбургъ въ свои руки, онъ рѣшился продолжать дѣло. Пруссаки выдвинули шесть батарей дивизионной артиллеріи и вскорѣ усилили ихъ четырьмя батареями изъ артиллерійскаго резерва. Со своей стороны австрійцы усилили выставленные вначалѣ двѣ батареи еще тремя. Но канонада, открытая на слишкомъ дальнемъ разстояніи и поддерживаемая слишкомъ торопливо, повела только къ большому расходу снарядовъ, не нанеся противникамъ особеннаго вреда. Выдвинуться пруссакамъ болѣе впередъ мѣшало выступающее положеніе высотъ впереди Блюменау и Кальтенбруна, занятыхъ австрійцами.

Французскій приказалъ ихъ атаковать. На Кальтенбрунъ направлено было одинъ баталіонъ, на Блюменау другой; послѣднему придано въ резервъ два баталіона. Высоты впереди Блюменау взяты безъ особеннаго затрудненія, и войска, овладѣвшія ими, продолжали подвигаться къ Блюменау. Кальтенбрунъ былъ зажженъ, около 11³/₄ часовъ, и къ нему подошелъ по высотамъ направленный туда прусскій баталіонъ, въ обхватъ лѣваго австрійскаго фланга.

Между тѣмъ, Вoze достигъ наконецъ горы Гаизенъ часовъ около одиннадцати. Австрійскій баталіонъ, ее занимавшій, былъ опрокинутъ, и Вoze продолжалъ наступленіе къ Пресбургу, несмотря на то, что австрійцы направили противъ его лѣваго фланга нѣсколько баталіоновъ. Но это движеніе не повело ни къ чему: въ двѣнадцать часовъ явился австрійскій парламентаръ, съ объявленіемъ о заключеніи перемирія на пять дней. Вой прекратился. Трудно сказать, на чьей сторонѣ осталась бы побѣда. Пруссаки претендуютъ, будто они отрѣзали часть II корпуса отъ Пресбурга; съ равнымъ основаніемъ австрійцы могли считать, что

бригада Вoze была отрѣзана, ибо противъ нея было не менѣе 14 баталіоновъ, расположенныхъ у Пресбурга и западнѣе его; кромѣ того, съвернѣе, бригада Виртемберга, половина которой направлена въ обходъ на Маріенталь, а другая половина осталась у Рацербурга.

Во время отдыха пришла телеграмма, опредѣлявшая демаркаціонную линію. Такъ какъ пруссаки стояли впереди ея, то они должны были отойти назадъ. Только бригадѣ Вoze разрѣшено было графомъ Туномъ остаться на ночлегъ на томъ мѣстѣ, до котораго она дошла.

Во время перемирія, съ 23-го по 27-е, корпуса: I, IV, VI, VIII и 2-я легкая кавалерійская дивизія достигли Пресбурга и перешли черезъ Дунай; за ними переправился и II корпусъ, уничтоживъ за собою мостъ на плотяхъ. Въ полдень 27-го, съ полученіемъ извѣстія о продолженіи перемирія еще на пять дней, II корпусъ снова занялъ Пресбургъ.

Уже извѣстно, что французскій посолъ при берлинскомъ дворѣ, Бенедетти, прибылъ въ Цвитау и оттуда сопровождалъ главную квартиру короля до Брюнна и Школьсбурга, употребляя все усилія къ тому, чтобы склонить и побѣдителей и побѣжденных къ миру. Съ той же цѣлю отправился въ Италію и принцъ Наполеонъ.

Пруссія поставила необходимымъ этому условіемъ присоединеніе къ ней Эльбскихъ герцогствъ, выключеніе Австріи изъ Германскаго Союза и уничтоженіе черезполосности прусскихъ владѣній. Вместе съ тѣмъ требовали такой демаркаціонной линіи, на время перемирія, которая весьма стѣснила бы австрійцевъ, на что послѣдніе не согласились. 15-го Бенедетти отправился въ Вѣну, куда въ то же время присланы были изъ Парижа условія перемирія, на которыя, по мнѣнію императора французовъ, Австрія могла согласиться.

Положеніе Пруссіи было шекотливо въ особенности потому, что можно было опасаться вооруженнаго вмѣшательства Франціи. Поэтому стало необходимымъ, для пользы дѣла, поступиться, хотя и немного, нѣкоторыми изъ требованій. Въ то же время и надежды Австріи на вооруженное вмѣшательство французовъ рушились; а, между тѣмъ, наступленіе прусскихъ армій къ Вѣнѣ грозило весьма близкой опасностію. Благодаря совокупному вліянію этихъ обстоятельствъ, Бенедетти удалось нахо-

нецъ устроить известное уже пятидневное перемирие, данное со стороны пруссаковъ для того преимущественно, чтобы имъ воспользоваться для переговоровъ о мирѣ. 22-го, въ Никольсбургѣ прибыли уполномоченные австрійскіе съ этою цѣлю, и начались переговоры, приведшіе наконецъ къ миру, на условіяхъ, весьма благоприятныхъ для Пруссіи, и принятыхъ за основаніе дальнѣйшихъ переговоровъ, которые предполагалось открыть въ Прагѣ. Эти условія были: 1) уступка Венеціи Италіи; 2) выходъ Австріи изъ Германскаго Союза и признаніе того устройства, которое прусскій король заблагоразсудитъ дать территоріи, лежащей къ сѣверу отъ Майна; 3) уступка Эльбскихъ герцогствъ; 4) уплата 40,000,000 талеровъ контрибуціи (вычитая изъ этой суммы 15,000,000 за Эльбскія герцогства и 5,000,000 за пребываніе прусскихъ войскъ въ австрійскихъ провинціяхъ до окончательнаго исполненія мирныхъ условій); 5) Пруссія гарантируетъ Саксоніи неприкосновенность ея владѣній. Последнее условіе было далеко не понутру пруссакамъ, которымъ сильно хотѣлось полнаго присоединенія Саксоніи, какъ земли завоеванной; но, волею-неволею, пришлось принять его. Эта уступка вызвана была, по всей вѣроятности, преимущественно давленіемъ съ стороны Франціи.

Конференція, собравшаяся нѣсколько времени спустя въ Прагѣ, установила подробности мирныхъ условій 23-го августа, трактатъ о которыхъ ратификованъ 30-го. Саксонія сохранила независимость внѣшнюю, но должна была принять прусскіе гарнизоны въ Дрезденъ и Кенгштейнъ. Въ общемъ результатъ Пруссія, кромѣ контрибуціи около 60,000,000 талеровъ, приобрѣла около 1,300 квадратныхъ миль, съ 4 слишкомъ миліонами жителей, и сдѣлала весьма рѣшительный шагъ къ объединенію Германіи.

X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Представивъ послѣдній очеркъ австро-прусскаго столкновенія, позволяю себѣ вопросъ: въ чемъ были причины столь быстраго и громаднаго успѣха пруссаковъ и какая доля въ числѣ этихъ причинъ принадлежитъ игольчатому ружью, которое, въ воображеніи многихъ, сдѣлало все? Припомянувъ, съ одной стороны, однородность состава прусской арміи, высокой уров-

ея умственнаго и въ особенности нравственнаго развитія въ военномъ смыслѣ; съ другой—недостатокъ всего этого въ австрійской арміи, кажется, можно съ полной увѣренностію сказать, что не игольчатое ружье было причиной неудачъ послѣдней. а *тѣ люди, у которыхъ оно было въ рукахъ*, и въ особенности тѣ, которые руководили прусскою арміею.

Человѣкъ—существо престранное въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ тому, чтобы, при всякомъ удобномъ случаѣ, сотворить себѣ какого-либо кумира и приписывать этому послѣднему то, что онъ самъ сдѣлалъ. Для уясненія этого позволимъ себѣ такое сравненіе: дрались два человѣка, одинъ въ красной, другой въ бѣлой рубашкѣ; красный побилъ бѣлаго, и посторонній зритель выводилъ въ большей части случаевъ заключеніе, что это вышло не потому, что побившій храбрѣе, ловче, сильнѣе, а потому, что на немъ красная рубашка... Всѣ толкуютъ о дѣйствительности прусскаго ружья, но весьма немногимъ приходитъ въ голову потолковать о спокойствіи, толковитости, самоотверженіи, чувствѣ долга прусскаго солдата: неужели это второстепенное, а то главное? Неужели кто-нибудь можетъ серьезно остановиться на томъ странномъ выводѣ, что достаточно было имѣть австрійцамъ ружья, заряжаемаго съ казны, и тогда они побили бы пруссаковъ? Могутъ сказать, что хорошее оружіе, внушая къ себѣ болѣе довѣрія въ солдатѣ, уже тѣмъ самымъ поднимаетъ и его нравственную сторону. Совершенно такъ, и не я, конечно, буду возставать противъ этого вліянія; но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ: можетъ ли человѣкъ забытый, *неуспѣнный прежде всего въ самомъ себѣ*, получить разомъ эту вѣру, благодаря хорошему ружью? Думаю, никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что *подобное оружіе можетъ усилить существующую уже вѣру солдата въ себя, но не можетъ разомъ вызвать ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ*. Кажется, прежде чѣмъ хлопотать о томъ, чтобы солдатъ думалъ, что его ружье лучше непріятельскаго, разумнѣе похлопотать о томъ, чтобы онъ себя-то самого считалъ выше непріятеля: если этого послѣдняго нѣтъ, самое совершенное оружіе не поможетъ.

Посмотримъ же съ этой точки на причины неудачи австрійцевъ, и онѣ намъ представятся совершенно въ другомъ свѣтѣ. Въ военное время долженъ быть битъ тотъ, кого били въ мирное время, если только онъ встрѣтится съ побитымъ; въ военное время не можетъ быть въ себѣ увѣренъ тотъ, въ

комъ эта вѣра систематически была подрываема въ мирное время обращеніемъ, основаннымъ на произволѣ, а не на законѣ—въ комъ, вслѣдствіе этой же причины, нѣтъ особеннаго развитія чувства долга, нѣтъ особеннаго расположенія считать общее дѣло своимъ до такой степени, чтобы, не задумываясь, положить за него жизнь свою. Слѣдовательно, хлопотать о совершенномъ оружіи мало; одному все приписывать странно; нужнѣе хлопотать о томъ, чтобы человекъ былъ по возможности совершеннымъ. И—странное дѣло!—вѣсь, мало-мальски читавшіе военныя сочиненія или знающіе ихъ по наслышкѣ, съ охотою повторяютъ знаменитый принципъ: побѣда зависитъ на $\frac{3}{4}$ отъ нравственныхъ причинъ и на $\frac{1}{4}$ отъ матеріальныхъ. А дойдетъ дѣло до его примѣненія къ частному факту, нравственная сторона забывается, и успѣхъ цѣликомъ ставятъ въ зависимость отъ оружія, отъ пудры, отъ косъ, отъ штиблетъ—однимъ словомъ, отъ красной рубашки. Это такъ было и, къ несчастію, такъ есть. Припомнимъ, что замѣтили и чему подражали изъ системы Фридриха; посмотримъ, въ чемъ стараются подражать прусакамъ теперь—и мы должны будемъ убѣдиться въ грустной неопровержимости этого факта. Возьмемъ тѣхъ же австрійцевъ, которые теперь дѣятельно принялись за реформы: у прусаковъ четыре роты, и они отказались отъ раздѣленія баталіона на шесть ротъ, несмотря на то, что, при нынѣшней сложности образованія солдата, роты должны быть слабѣе, слѣдовательно ихъ нужно имѣть больше, а не меньше въ баталіонѣ. У прусаковъ существуетъ раздѣленіе на дивизіи, и они возстановили его, уничтоживъ послѣ кампаніи 1859 года. У прусаковъ офицеры образованны, и они засадили своихъ оовидеровъ чуть не въ школу, не сознавая того, что человекъ занимается тамъ только, гдѣ ему *выгодно* быть и *совѣстно* не быть образованнымъ, гдѣ это можетъ доставить ему ходъ, расширить и матеріальное благосостояніе, и доставить положеніе болѣе высокое и почетное. Скажутъ, можетъ быть, что это и смѣется въ виду: на словахъ, пожалуй, но на дѣлѣ едва-ли; ибо причины, утвердившія въ Австріи производство по протекціи, по сильнѣе сознанія интересовъ арміи. Можетъ быть и случится нѣсколько счастливыхъ исключеній, особенно на первыхъ порахъ, пока кровавыя и унижительныя неудачи свѣжи еще въ памяти; но вѣдь исключенія не опровергаютъ, а подтверждаютъ правило. И кто же учителя въ дѣлѣ этого казеннаго образова-

нія? Штабъ-офицеры, которые и сами немного знаютъ и сами воспитаны въ тѣхъ понятіяхъ, что безъ образованія обойтись можно.

Прусаки, дѣйствительно, заслуживаютъ подражанія, но только не во внѣшней организаціи, не во внѣшней формализмѣ, не во педантизмѣ, которые составляютъ всегда продуктъ известной только національности, и, какъ такія, не могутъ быть приимены къ другой національности: они заслуживаютъ подражанія въ тѣхъ идеяхъ, которые скрываются за этой формализмкой, за педантизмомъ, за организаціей. Ибо только послѣднія, т. е. идеи, вѣчно истинны и безусловно-примѣнимы ко всякой національности, но должны у каждой изъ нихъ быть осуществлены въ формѣ, соответствующей особенностямъ этой національности. Найдется ли на всемъ свѣтѣ хоть одинъ человекъ, который бы не согласился съ тѣмъ, что всякій обязанъ жертвовать собою для отстаиванія интересовъ родины, что только начавъ службу съ солдата можно уразумѣть механизмъ службы и научиться управлять себѣ подобными въ тѣ торжественныя минуты, когда отъ человека требуется самая высшая и самая доблестная жертва—жертва жизнью? Найдется ли хоть одинъ, который бы не согласился съ тѣмъ, что въ войскѣ на строжайшей справедливости все должно быть основано: отношенія между степенями военной іерархіи, производство и проч., и проч.; что если вы хотите, чтобы ваши войска дѣлали какъ слѣдуетъ свое боевое дѣло, то необходимо и въ мирное время учить ихъ этому дѣлу, а не чему-то постороннему, неизмѣющему ничего общаго съ обстановкою и требованіями боя; что побои ослабляютъ энергію человека, а не способствуютъ ся развитію, что только накормленный солдатъ можетъ работать какъ слѣдуетъ, и проч., и проч.?.. Нѣтъ, едва-ли найдется; а попробуйте сдѣлать попытку примѣненія — и отперъ готовы: что примѣнимо въ Пруссіи, то непримѣнимо въ Австріи... Какъ-будто есть логика, особая для всякой національности; какъ-будто австріецъ, когда его подвергаютъ телесному наказанію, страдаетъ менѣе, чѣмъ страдалъ бы прусакъ при соответствующей операціи...

И наоборотъ: когда зайдетъ дѣло о позанимствованіи какой-нибудь формы, внѣшняго осуществленія одной изъ этихъ мыслей, совершенно забывается, что прусская форма имѣетъ смыслъ въ примѣненіи только къ прусскому человеку, и начи-

нають гнуть и ломать, для чего же? для того, чтобы по внешности только стать похожими на прусаковъ. Иногда это и достигается—жертвою забвенія сущности дѣла. Упускаютъ при этомъ изъ виду одно, что человекъ только тогда охотно работаетъ, тогда только помнить цѣль своего дѣла, когда его при исполненіи этого дѣла ничто не тѣснитъ, ни матеріально, ни нравственно. А это достигается только строгимъ соображеніемъ съ его нравственными и физическими особенностями (*).

Если обратимся къ начальственному кадру той и другой арміи, то насъ поразитъ то же самое явленіе, которое отмѣчено уже въ отношеніи къ солдату. Въ прусской арміи не было гениальныхъ начальниковъ: дѣлались въ теченіе кампаніи ошибки весьма крупныя, въ родѣ медленнаго наступленія 1-й арміи, въ родѣ остановки послѣ Кениггреца, и т. п.; но за то всѣ начальники проникнуты безусловною любовью къ своему ремеслу—въ духѣ, а не въ формѣ его; всѣ посвящаютъ мирныя досуги его теоретическому изученію; всѣ проникнуты чувствомъ долга, безусловною исполнительностію и отличаются полной свободой отъ страха отвѣтственности. Эти качества имѣли слѣдствіемъ тотъ результатъ, что даже и соображенія не вопліи безукоризненныя увѣчивались громаднымъ успѣхомъ. Этого мало: настойчивость въ работѣ и во всесторонней отдѣлкѣ всякаго дѣла повела къ тому, что прусаки вышли на войну приготовленными во всѣхъ отношеніяхъ: войска въ комплектѣ; всякіе припасы въ изобиліи; матеріальная часть въ полномъ порядкѣ. Прусаки понимаютъ великую истину рим-

(*) До чего это трудно дается, примѣромъ можетъ служить недавно вышедшая превосходная брошюра „L'Action française en 1867“, принадлежащая перу одного изъ лучшихъ французскихъ генераловъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ сѣгаетъ о томъ, что французскій солдатъ не очень аккуратенъ въ соблюденіи правилъ военного приличія, не замѣчалъ, что человекъ съ характеромъ болѣе или менѣе живымъ—а таково большинство французовъ—не способенъ именно къ соблюденію формальности, и что для подобныхъ натуръ ее должно стараться соображать на возможно болѣе широкыхъ и несчетныхъ основаніяхъ. Если это учесть изъ виду, то, пожалуй, мелочная формальность будетъ, а дѣло пропадетъ. Викторъ-Димашуль, которому французскій солдатъ не отдастъ однажды чести, превосходно замѣтилъ, въ отношеніи къ поведенію французскаго генерала, que le soldat français ne sait pas saluer son officier:—Oui, mais il sait mourir pour lui. Противоположеніе этихъ двухъ вещей чрезвычайнаго характеристично, и если, въ зависимости отъ характера націи, первое болѣе или менѣе исключаетъ второе, то, кажется, не трудно понять, что чему должно быть предпочтено. Замѣчательно то, что авторъ упомянутой брошюры вмѣстѣ съ тѣмъ настаиваетъ, что во всякой арміи все должно быть соображаемо съ національными особенностями.

лянъ: „живи въ мирѣ, готовься къ войнѣ“, и заставить ихъ врасплохъ трудно, можетъ быть даже невозможно. Хотя и говорить, что Австрія первую начала готовиться къ войнѣ, но это не вѣрно: война застала ее врасплохъ, и вѣрнѣе сказать, что она первая подала только поводы къ тому, чтобы ее можно было обвинять въ приговленіяхъ къ войнѣ. Объ австрійскихъ начальникахъ, за рѣдкими исключеніями, всего этого далеко сказать нельзя; нельзя также поставить имъ и въ вину того, что они не представляютъ перечисленныхъ качествъ, ибо мирныя порядки въ Австріи не способствуютъ, но препятствуютъ развитію этихъ качествъ, вслѣдствіе чего они проявляются только въ тѣхъ личностяхъ, которыя, благодаря врожденной силѣ, не могутъ быть вполнѣ испорчены системой. Однимъ словомъ, эти люди хороши не благодаря системѣ, а, такъ сказать, на зло ей. Изъ числа ихъ безспорно должно прежде всѣхъ причислить Габленца, который такъ осязательно показалъ, что если прусаки били другихъ, то, конечно, благодарн не игольчатому ружью. Изъ остальныхъ, люди въ родѣ Эдельсгейма, вѣроятно, показали бы себя нѣсколько иначе, если бы не были связаны по рукамъ и по ногамъ. Однимъ словомъ, здѣсь тоже выступаетъ, во всей его громадной важности, вопросъ системы мирнаго воспитанія войскъ, принимая это слово въ обширномъ смыслѣ. При одной системѣ врожденныя способности развиваются, крѣпнута, всплываютъ наверхъ; при другой онѣ глоснуть, а иногда и намѣренно даже уничтожаются.

И ко всему этому нужно прибавить еще, что одна изъ самыхъ вліятельныхъ на войнѣ данныхъ—именно данная случайностей—была неизмѣнно въ пользу прусаковъ. Правда, ихъ исполнительность и дерзкій порывъ впередъ давали имъ большіе шансы на преодоленіе враждебныхъ случайностей и на то, чтобы пользоваться тѣми, которыя были имъ благоприятны; но иногда и съ порывомъ попадаютъ въ просакъ, и если этого ни разу не случилось, то благодаря уже не качествамъ прусской арміи, а именно невѣроятному счастью.

Австро-прусское столкновеніе подняло и другой вопросъ—о томъ, какія измѣненія должны произойти въ военномъ искусствѣ. Разлагается онъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) въ какія отношенія стало теперь холодное и огнестрѣльное оружіе? 2) въ какой мѣрѣ уменьшилось теперь значеніе кавалеріи на поляхъ сраженій?

Въ настоящее время многие толкуютъ, что штыкъ потерялъ почти всякое значеніе; что скорострѣльное оружіе дастъ возможность достигнуть издали того, чего можно было прежде достигнуть только штыковой свалкой. Основывается это на томъ, что „какъ ни порывались австрійцы сойтись на штыкъ, но это имъ ни разу не удалось“. На это замѣчу слѣдующее: воображать, будто на готовый къ бою войска можно бросаться въ штыки, не подготовивъ атаки огнемъ—какъ это дѣлали австрійцы—по меньшей мѣрѣ странно. Порываться и имѣть *дѣйствительное* желаніе сойтись на штыкъ—далеко не одно и то же.

Ни одна австрійская часть не была вполне уничтожена прусскими залпами: что же мѣшало тѣмъ, которые оставались, довести дѣло до штыка? Мѣшало недостатокъ энергій, а не дѣйствительность прусскаго ружья; мѣшало то, что не было въ австрійской арміи людей на столько рѣшительныхъ, чтобы довести до конца атаку. Не знаю, въ состояніи ли бы были прусаки встрѣтить штыкъ штыкомъ; но долженъ замѣтить, что они все же показали, болѣе нежели австрійцы, желаніе сходиться на штыкъ, ибо въ большей части случаевъ имъ, а не ихъ противникамъ приходилось атаковать.

Огонь и штыкъ не исключаютъ, но дополняютъ другъ друга; первый прокладываетъ дорогу второму, и воображать, что можно атаковать безъ подготовки огнемъ, такъ же ошибочно, какъ и воображать, будто однимъ огнемъ можно сбить противника съ позиціи.

Въ этомъ смыслѣ дѣйствительность прусскаго огня не представляетъ ничего новаго, и если она поразила такую неожиданностію, то не вслѣдствіе новизны, а вслѣдствіе легкости, съ какою человекъ забываетъ прошлые уроки. Кому неизвѣстно страшное вліяніе англійскихъ залповъ, послѣдуемыхъ атакою пѣ штыки, на французскую армію (*), прошедшую сквозь школу революціи, предводимую начальниками, которыхъ выработали великія кампаніи 1796, 1800, 1805 годовъ, представлявшую, слѣдовательно, гораздо болѣе задатковъ на успѣхъ, чѣмъ австрійская армія 1866 года? А, между тѣмъ, этотъ фактъ никому въ голову не приходитъ теперь, несмотря на аналогію съ тѣмъ, что было въ 1866 году. Къ этому нужно прибавить, что тамъ даже и разницы въ вооруженіи никакой не было; но она была: *въ умѣнь людей стрѣлять, въ полное спокойствіе*

(*) Въ войну на Паренейскомъ полуостровѣ.

и отсутствіи суеты въ ихъ рядахъ. Слѣдовательно, успѣхъ огня лежитъ въ воспитаніи людей болѣе, нежели въ оружіи.

Дѣлать какіе-либо выводы о мнимомъ преобладаніи огня надъ штыкомъ по послѣдней войнѣ тѣмъ болѣе странно, что противники не были одинаково вооружены. Предполагая же эту одинаковость, станетъ ясно, что придемъ къ тому, что было и что будетъ, т. е. за перестрѣлкой, какъ бы она ни была быстра и убійственна, должно кончить штыкомъ, если противникъ мало-мальски упоренъ и если мы желаемъ достигнуть цѣли.

Итакъ, усовершенствованное огнестрѣльное оружіе не только не можетъ исключить холоднаго, но даже и не измѣнитъ своей прежней роли—оружія подготовительнаго.

Вліяніе его будетъ другое: оно потребуетъ еще большей гибкости строя, покажетъ несостоятельность въ этомъ отношеніи какихъ-либо закаменѣлыхъ нормъ; покажетъ необходимость возможно-полнаго развитія смѣтливости и находчивости всякаго военнаго человека, до послѣдняго чина (*); покажетъ, что нужно стрѣлять рѣдко, да мѣтко—рѣдко не въ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ выбора минуты для стрѣльбы; покажетъ, наконецъ, всю важность сбереженія патроновъ и такого обученія стрѣльбѣ, которое не допускало бы и мысли о суетѣ и отдавало бы огонь сомкнутому строю въ руки начальника. Воображать, будто прусаки стрѣляли часто—крайне ошибочно; они стрѣляли толково, т. е. учащали стрѣльбу по цѣлямъ близкимъ и большимъ, и вовсе не стрѣляли, если стрѣлять въ этихъ обстоятельствахъ было нельзя: вотъ въ чемъ была ихъ сила. И что они стрѣляли не часто, доказательствомъ служить то, что во всю кампанію они израсходовали среднимъ счетомъ *не болѣе семи патроновъ на человека!* Вотъ что значитъ спокойствіе людей, достигаемое рациональнымъ ихъ воспитаніемъ и образованіемъ въ мирное время! Австрійцы, по всей вѣроятности, выпустили гораздо больше патроновъ, т. е. стрѣляли скорѣе прусаковъ, а сдѣлали меньше. Въ чемъ же разгадка? Кажется, видѣть не трудно тому, кто мало-мальски понимаетъ дѣло.

Сказанное о мнимомъ уменьшеніи значенія штыка при-мѣняется вполне и къ видимому уменьшенію значенія кавале-

(*) Ибо при средствахъ *быстро* нанести вредъ нужно быть способнымъ *быстро* принять и мѣры противоѣдствія.

рия на полях сражений, или, какъ выражаются некоторые, къ тому, что теперь тактика кавалеріи будто бы „на воздухѣ“.

Только забвеніе боевыхъ условій могло внушить подобную мысль. Говорятъ, что теперь кавалерія не можетъ врубиться въ пѣхоту. Условимся относительно того, въ *какую* пѣхоту? Если во вполнѣ устроенную, сохранившую хладнокровіе и недоступную чувству страха, наводимому кавалерійскимъ ураганомъ, то это вѣдь и прежде было. Разсуждающимъ вышеприведеннымъ образомъ не мѣшало бы вспомнить, что и въ періодъ гладкоствѣннаго оружія кавалерія никогда или почти никогда не выходила побѣдительницею изъ подобныхъ положеній, и въ то же время достигала невѣроятныхъ успѣховъ противъ потрясенныхъ пѣхотныхъ частей. Слѣдовательно, вопросъ въ томъ только, можетъ или не можетъ кавалерія взять теперь *разстроенную* пѣхоту, другими словами: на столько ли далеко, и скоро-стрѣльное ружье усилило нравственную уязвимость пѣхоты, что она впредь никогда не будетъ приходить въ разстройство, не будетъ теряться, ошалѣвать? Вопросъ, поставленный подобнымъ образомъ, носить отвѣтъ въ самомъ себѣ: *усовершенствованное оружіе усиливаетъ человека, но оно не измѣняетъ его природы*, и въ рукахъ спокойнаго или способнаго ошалѣвать оно принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, ибо въ то время, когда при прежнемъ оружіи ошалѣвшій человекъ выпускалъ десять патроновъ на вѣтеръ, при нынѣшнемъ онъ выпуститъ ихъ 30, 40.

При такомъ положеніи едва-ли кто оспоритъ ту простую вещь, что кавалерійская атака противъ разстроенной пѣхотной части будетъ имѣть столько же шансовъ на успѣхъ теперь, сколько она ихъ имѣла и прежде; слѣдовательно, все приводится опять къ тому же вѣчному и самому трудному началу кавалерійскаго искусства—*къ выбору мигушенія для атаки*. Есть люди, одаренные этою способностію—кавалерія дѣлаетъ чудеса; нѣтъ ихъ — и она гибнетъ безъ славы и безъ пользы. И такъ какъ подобные люди чрезвычайно рѣдки, кавалерія видную роль и играетъ рѣдко. Дѣло тутъ въ людяхъ, а не въ оружіи.

Все это такъ, можетъ быть скажутъ; но кавалеріи никогда уже не дойти до Россбаха, Гогенъ-Фридберга, Праги. Если въ ней явятся когда-нибудь Зейдаицы, Циттены, Варнери, явятся опять и громкія дѣла. Объ этихъ дѣлахъ много толкуютъ, зная

ихъ по названіямъ больше, чѣмъ по сущности. Стоитъ нѣсколько внимательнѣе къ нимъ приглядѣться, и увидитъ, что и тутъ кавалерія обязана была своимъ успѣхомъ исключительно уловленію минуты и такой обстановкѣ, при которой успѣху не помѣшало бы никакое усовершенствованное оружіе. Дѣйствительно: подъ Россбахомъ — атака на походную колонну; подъ Прагою — атака во флангъ и въ тылъ; подъ Гогенъ-Фридбергомъ — атака баталіоновъ, занимавшихся перемѣною фронта.

И потому плохо сдѣлаетъ пѣхота, которая понадеется на усовершенствованное оружіе и забудетъ, что прежде всего она должна надѣяться на самое себя. Представимъ себѣ пѣхотную часть, привыкшую думать, что, благодаря ружью, она никогда къ себѣ не подпуститъ кавалеріи; представимъ на нее атаку кавалерійской части, рѣшившейся ворваться, несмотря ни на какія потери: какое впечатлѣніе произведетъ на пѣхоту, когда она увидитъ, что пули не остановили врага? Впечатлѣніе самой страшной парализующей неожиданности, за которою, кромѣ гибели, ничего не будетъ. Какъ бы ни было совершенно оружіе огнестрѣльное, пѣхота не должна забывать, что какъ противъ пѣхоты, такъ и противъ кавалеріи она должна быть готова къ встрѣчѣ на дистанцію штыка, и только подобная пѣхота можетъ быть дѣйствительно страшна кавалеріи.

Средство приготовить такимъ образомъ пѣхоту и кавалерію одно: сквозныя суворовскія атаки, и если его можно было забывать при прежнемъ оружіи, то при нынѣшнемъ едва-ли это будетъ разсчитливо и безопасно.

Тѣмъ не менѣе, совершенно вѣрно, что теперь кавалерія можетъ подвергнуться при малѣйшей неловкости начальниковъ гораздо большимъ потерямъ, чѣмъ то было прежде, что обусловливается, впрочемъ, нарѣзомъ гораздо болѣе, нежели заряданіемъ съ казны. Но это показываетъ только, что начальники должны быть ловче (*) и что основное свойство кавалеріи — быстрота движенія — должно быть развито до возможной степени. Ибо только быстрота движенія можетъ дать возможность кавалеріи уничтожить пространство, на которомъ она

(*) Рассказываютъ объ одномъ командирѣ австрійскаго кавалерійскаго полка, который большую часть квинтесценскаго дѣла стоялъ подъ выстрѣлами и не понесъ почти никакихъ потерь, благодаря тому, что какъ только замѣчалъ, что снарядами нависли близко ложиться къ его частямъ, тотчасъ же переносилъ ихъ шаговъ на сто впередъ или назадъ.

терпять от огня, и сходиться на ту дистанцію, на которой шансы равны — на дистанцію шапки, пика. Итакъ, вліяніе усовершенствованія оружія на кавалерію, разумно понимаемое, будетъ заключаться въ томъ, въ чемъ оно всегда заключалось относительно всѣхъ родовъ оружія: оно поведетъ къ уясненію ея свойствъ, но никогда не поведетъ къ уничтоженію или уменьшенію ея значенія. На войнѣ, какъ и во всемъ, уничтожается только то, что слабо, не вѣрять въ себя и до такой степени проникается своимъ ничтожествомъ, что, даже не побывавъ въ опасности, приходитъ въ ужасъ отъ нея, считаетъ ее недоликою, однимъ словомъ—само себя бьетъ въ собственномъ воображеніи тогда еще, когда непріятель и не думалъ бить. Опасность отъ огня увеличилась для кавалеріи; но вѣдь она увеличилась также и для пѣхоты: неужели изъ этого слѣдуетъ, что и пѣхотѣ нѣтъ болѣе мѣста на поляхъ сраженій? Пѣхота возвращаетъ вредъ, ей наносимый; но развѣ она не покровительствуетъ этимъ самымъ и нашей кавалеріи?

Итакъ: *развитіе безумнаго безстрашія въ людяхъ; развитіе быстроты лошади и облегченіе выюка до возможнаго предѣла; полное освобожденіе отъ педантизма въ обученіи людей, въ выѣздкѣ лошадей и въ уставныхъ требованіяхъ; развитіе одиночной ловкости и умѣнья мягко и сильно рубить и колоть (*)* — вотъ что вызывается усовершенствованнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и горе той кавалеріи, которая не пойметъ этого....

Относительно артилеріи кампанія 1866 года имѣла то значеніе, что утвердила за наръзною системою безспорное превосходство, принимая, конечно, въ расчетъ всю сумму качествъ, а не нѣкоторыя изъ нихъ. Картечное дѣйствіе наръзной артилеріи слабо; но за то дальность и дѣйствительность стрѣльбы гранатою и картечною гранатою представляютъ такое превосходство передъ соответствующими видами стрѣльбы изъ гладкоствѣнныхъ орудій, что послѣднія не имѣютъ почти никакихъ шансовъ на успѣшную борьбу съ первыми.

(*) Ни одна изъ регулярныхъ кавалерій не имѣетъ почти никакого понятія объ этомъ явлѣніи; ему нельзя научить ни посредствомъ вѣстованія, ни посредствомъ рубки по воздуху, а исключительно только посредствомъ рубки чувака, и притомъ въ намѣченную черту, и посредствомъ ударовъ пику въ заранее-опредѣленную точку.

Нѣкоторыя изъ прусскихъ драгунскихъ полковъ даже себя трудъ занимать стрѣльбой передъ пѣхотой въ конномъ строю: вѣдь это въ тому, къ чему вслѣдъ будетъ вести стрѣльба съ кони—изъ пусанію нуль на иперн.

Относительно полевой артилеріи выяснился еще и другой вопросъ: она получила наконецъ возможность быть однообразною. Сколько можно судить, это, послѣ увеличенія дальности и дѣйствительности стрѣльбы, самый громадный шагъ, сдѣланный артилеріею съ принятіемъ наръзной системы орудій.

Факты послѣдней войны не обнаружили никакой разницы между дѣйствительностію 4 и 6-фунтоваго калибра съ прусской, 4 и 8-фунтоваго—съ австрійской стороны. Слѣдовательно, въ интересахъ подвижности, однообразія матеріальной части и снабженія, можно и должно ограничиться въ полевой артилеріи однимъ 4-фунтовымъ калибромъ.

Иначе и быть не могло, ибо при наръзной системѣ *увеличеніе калибра не ведетъ къ увеличенію дальности и дѣйствительности стрѣльбы въ ощутительной мѣрѣ (*)*. Произошло это оттого, что въ продолговатомъ снарядѣ представилась возможность достигнуть такого выгоднаго отношенія между поверхностію снаряда и его вѣсомъ, о какомъ въ сферическомъ снарядѣ нельзя было и думать. Достаточно сказать, что въ нашей 4-фунтовой наръзной гранатѣ на единицу поверхности приходится столько металла, сколько приходится его въ 140-фунтовомъ сферическомъ ядрѣ.

Защитники необходимости имѣть батареиную наръзную артилерію опираются въ особенности на ея сильное разрывное дѣйствіе, которое *можетъ* повадниться для разрушенія земляныхъ насыпей. Разсужденіе мирно-военное, ибо въ немъ не приняты основныя характеристическія черты современной полевой войны: быстрота и неожиданности на каждомъ шагѣ; первая требуетъ *возможной подвижности всей матеріальной части* (а можно ли считать подвижнымъ, напримѣръ, орудіе, которое вѣситъ 40 пудовъ, въ сравненіи съ 4-фунтовымъ, вѣсящимъ всего 20?); вторая, т. е. неожиданность, ставитъ вѣсь на каждомъ шагѣ въ необходимость употреблять *не то, что лучше, а то, что подъ рукою*. Поэтому-то законъ простоты во всемъ касающемся войсковой организаціи и считается основнымъ закономъ; поэтому-то и глубоко вѣрна въ примѣненіи не только къ военнымъ, но и ко всѣмъ практическимъ предметамъ французская поговорка: „лучшее — врагъ хорошаго“. Этого, къ несчастію, никакъ не хотятъ понять мѣрные орга-

(*) При тѣхъ условіяхъ, конечно, при которыхъ случается стрѣлять въ бою, а не на мирныхъ полигонахъ.

лизаторы и, думая сдѣлать добро арміи, усложняя матеріальную часть, только затрудняютъ ее, сдѣловательно дѣлаютъ вредъ.

Говорятъ, что батарейныя нарѣзныя орудія могутъ разрушать даже бруствера: опять мирное воззрѣніе, ибо въ немъ упущено изъ виду, что выигрышъ времени на войнѣ — самое важное, и что лучше взять брустверь штурмомъ, нежели уничтожить его подобнымъ образомъ. Это выгодноѣ во всѣхъ отношеніяхъ: и скорѣе, да и меньше будетъ потеря въ людяхъ. На основаніи аргументовъ, приводимыхъ въ пользу батарейной нарѣзной артилеріи, можно требовать, чтобъ возпльсь орудія всѣхъ калибровъ при арміи: это было бы еще *лучше*; но это не было бы *хорошо*, такъ что въ концѣ концовъ стремленіе къ разнообразію калибровъ въ полевой артилеріи въ настоящее время объясняется не столько яснымъ сознаніемъ пуждъ и пользы арміи, сколько рутиннымъ желаніемъ сохранить во что бы то ни стало привычное раздѣленіе артилеріи на батарейную и на легкую.

Опасеніе бѣльшаго, сравнительно съ прежнимъ, расхода снарядовъ, вслѣдствіе увеличившихся дальностей стрѣльбы, совершенно не оправдалось: *въ продолженіе всей кампаніи прусская артилерія не израсходовала даже того комплекта снарядовъ, который возится непосредственно при батареяхъ* (*). Если и могло возникнуть подобное опасеніе, то въ мѣстѣ только тѣхъ, которые не знаютъ, что большой расходъ снарядовъ обуславливается не столько дальностію дистанцій, на которыя орудія могутъ стрѣлать, сколько неспокойнымъ состояніемъ духа прислуги и офицеровъ.

Особенной разницы въ дѣйствительности между австрійской и прусской артилеріею не было замѣчено, что объясняется опять тѣмъ, что приходилось стрѣлать не съ заблаговременно отмѣренныхъ разстояній, какъ дѣлаютъ въ бѣльшой части случаевъ на мирныхъ опытахъ и упражненіяхъ.

На организацию артилеріи введеніе нарѣзныхъ орудій окажетъ, вѣроятно, еще то вліяніе, что сдѣлаетъ необходимымъ увеличеніе конского и личного состава, въ особенности перваго. На образованіи нарѣзная система отразится тѣмъ, что, вѣ-

(*) На всю кампанію изъ каждого орудія произведено выстрѣловъ: среднимъ счетомъ: въ 1-й арміи изъ 4-фунтовыхъ 87, 6-фунтовыхъ 59, 12-фунтовыхъ 9; во 2-й арміи изъ 4-фунтовыхъ 44, 6-фунтовыхъ 24, 12-фунтовыхъ 17.

роятно, вполнѣ вытѣснить стрѣльбу съ отмѣренныхъ разстояній, такъ какъ, при точности стрѣльбы изъ нарѣзныхъ орудій, въ ежегодной пристрѣлкѣ ихъ вѣтъ надобности; а между тѣмъ, съ принятіемъ ударныхъ трубокъ для гранатъ, умѣнье опредѣлить разстояніе, на которомъ снаряды падаютъ отъ цѣли, приобрѣло громадное значеніе. При отмѣренныхъ разстояніяхъ, потребность слѣдить за первыми паденіями снарядовъ возбуждается далеко не въ той степени, какъ при стрѣльбѣ съ разстояній неотмѣренныхъ.

Пруссаки остались не совсемъ довольны своею артилеріею. Въ этомъ есть доля правды, но значительно меньше, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Говорили, что артилерія не такъ мѣтко стрѣляла, какъ ожидали: во-первыхъ, ей приходилось стрѣлать обыкновенно съ слишкомъ дальнихъ позицій, какъ при атакѣ высотъ (*) бываетъ въ бѣльшой части случаевъ; во-вторыхъ, приходилось стрѣлать съ неотмѣренныхъ разстояній. Другой упрекъ едва-ли не бѣлье имѣеть основанія: прусская артилерія слишкомъ хлопочетъ о прикрытіи и боится попадать въ пѣль, что вполнѣ обнаружилось на дѣйствіи гвардейскаго артилерійскаго резерва подъ Хаумомъ. Въ свою очередь, артилеристы жалуются, что пѣхота не давала имъ довольно времени пострѣлать, скоро, по ихъ мѣстѣ, бросаясь въ атаку: дай Богъ, чтобы всякая пѣхота достойна была подобнаго упрека!

Атаки прусской пѣхоты вездѣ удавались — лучшее доказательство, что она давала артилеріи готовить ихъ на столько, сколько то было нужно для дѣла. Подготовка бѣлье продолжительная могла бы повести къ тому только, что увеличила бы потери пѣхоты отъ непріятельской канонады.

Значеніе инженерныхъ войскъ обнаружилось довольно рельежно, хотя и въ не очень большихъ, по объему, фактахъ: батареи у Хлума и Лицы принесли ощутительную пользу австрійцамъ, и если, несмотря на нѣкоторую невыгоду расположенія, не принесли пользы батареямъ, расположеннымъ восточнѣе Хлума, то причиною этому было то, что ихъ совсемъ и не занимали, отступивъ съ самаго начала боя отъ диспозиціи. Притомъ же инженернымъ войскамъ дано было примѣненіе самое ограни-

(*) Ибо чѣмъ ближе подъѣзжать къ командующей высотѣ, тѣмъ въ худшее положеніе становиться относительно артилеріи непріятеля; иногда даже и совершенно прекращается возможность дѣйствовать.

ченное: австрийскіе начальники какъ будто забыли, что назначеніе этихъ войскъ не только *возводить*, но и *разрушать*. Уже извѣстно, что въ этомъ послѣднемъ смыслѣ инженеры и пионеры вовсе не принесли пользы австрийцамъ. Саксонцы это помнили лучше, и такія мѣры, какъ разрушеніе моста у Неханца, были имъ весьма полезны.

Нынѣшняя война, повидимому, обнаружила бесполезность не однихъ слабыхъ, а даже и сильно-укрѣпленныхъ пунктовъ, но только повидимому. Дѣлая подобныя выводы, опять забываютъ ту простую вещь, что значеніе всякаго неодушевленнаго предмета опредѣляется не столько его собственными свойствами, сколько свойствами человѣка, который этимъ предметомъ пользуется. Ни одна крѣпость, ни одинъ театръ войны сами себя защищать не могутъ: странно говорить, что они не годятся, когда человѣкъ не сумѣлъ ими воспользоваться. Но даже, несмотря на это послѣднее обстоятельство, должно признать, что если прусаки рано остановили преслѣдованіе 4-го іюля, то вѣроятно, благодаря Кенягтрецу; что если они такъ поздно возстановили сообщеніе по желѣзной дорогѣ съ Берлиномъ, то опять благодаря тому же Кенягтрецу.

Обходъ крѣпости не доказываетъ ея полнаго ничтожества, ибо вполне обуславливается силами обходящей арміи и числомъ удобныхъ дорогъ, идущихъ мимо крѣпости. Понятно, что двухсоттысячная армія можетъ не обратить вниманія на крѣпость съ десяти тысячнымъ гарнизономъ; понятно также, что значеніе этой крѣпости умалется съ увеличеніемъ числа дорогъ, мимо нея ведущихъ къ предмету дѣйствій, болѣе важному, чѣмъ она сама; понятно наконецъ, что даже и укрѣпленный лагерь не можетъ имѣть особеннаго значенія, если изъ него нельзя ожидать перехода въ наступленіе. Все это показываетъ не ничтожество крѣпостей, а зависимость ихъ, какъ и всего на войнѣ, отъ единственной живой силы, т. е. отъ арміи и отъ личностей. Армія не поколеблена, личности упорны и предприимчивы — всякая матеріальная преграда обращается въ трудноодолимую; армія нравственно подорвана, личности подъ гнетомъ страха отвѣтственности — и матеріальныя преграды обращаются въ ничто, даже хуже, ибо служить не намъ, а неприятелю (*).

Но даже несмотря на то, что австрийская армія была подо-

(*) Какъ и случилось съ Кенягтрецомъ въ день 4-го іюля, когда онъ думалъ, что армія прикрыта, а преградой для австрийскихъ войскъ.

рвана, можно сказать мгновенно, крѣпости не остались безъ вліянія на военныя операціи. Въ особенности оно отразилось на путяхъ, которые такъ же рѣдки въ наше время, какъ были рѣдки, напримѣръ, обыкновенныя хорошія дороги въ XVIII столѣтіи (*): разумѣю, желѣзныя дороги на театрѣ войны.

Желѣзныя дороги. Желѣзныя дороги въ эту кампанію вполне удержали на театрѣ войны значеніе, которое имъ уже приписывали давно: онѣ остались *коммуникаціонными* только, но не *стали операціонными* линіями, т. е. такими, по которымъ подвозится къ арміи и увозится отъ нея все неспособное сражаться (**), но отнюдь не такими, по которымъ могла бы направляться къ неприятелю вооруженная сила.

Дѣлу сосредоточенія войскъ онѣ принесли значительныя услуги до начала войны, т. е. пока противники были въ собственныхъ предѣлахъ; но затѣмъ пришлось во всю почти кампанію не только ходить войскамъ, но и получать все необходимое по обыкновеннымъ дорогамъ. Только къ концу кампаніи прусакамъ удалось устроить кругое желѣзнодорожное сообщеніе Рейхенбергъ-Турнау-Прага-Пардубиць-Брюннъ. Но до какой степени и оно было ненадежно, доказательствомъ можетъ служить случай, происшедшій съ этимъ сообщеніемъ уже по заключеніи перемирія: комендантъ Терезіенштадта, соблюдавшій спокойствіе въ продолженіе кампаніи, сдѣлалъ вылазку уже по заключеніи перемирія и уничтожилъ одинъ изъ мостовъ между Краупомъ и Турнау, послѣ чего о возстановленіи сообщенія раньше недѣли или двухъ нельзя было бы и думать, предполагая продолженіе военныхъ дѣйствій.

Этотъ случай вполне показалъ капитальную слабость желѣзныхъ дорогъ: именно ту, что *онѣ*, обезпечивая до нѣкоторой степени отъ случайностей правильность сообщеній, сами *подвержены случайностямъ*.

Итакъ, въ Европѣ покрайней мѣрѣ, желѣзныя дороги могутъ быть коммуникаціонными, но не операціонными линіями. Примѣръ Америки въ этомъ случаѣ не идетъ къ дѣлу, какъ по множеству тамъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и потому изъ осо-

(*) Эта рѣдкость, въ сочетаніи съ незначительностью арміи, и была главной причиною громаднаго значенія даже небольшихъ крѣпостей въ XVIII столѣтіи.

(**) Т. е. припасы разнаго рода, рекруты и т. п.; увозится извѣстное, забранное оружіе и т. п.

бенности, что они не преисраждаются крепостями внутри территории Соединенных Штатов.

Некоторые, основываясь на томъ, что желѣзные дороги могутъ служить путями для фланговыхъ и отступательныхъ движеній (*), утверждаютъ, будто въ такихъ случаяхъ они обращаются въ операционныя лини. Едва ли это вѣрно, ибо помпнутыя движенія, по крайней мѣрѣ въ моментъ ихъ исполненія, имѣютъ цѣлю не бой, а уклоненіе отъ боя, слѣдовательно, пути, по которымъ они исполняются, сохраняютъ вполне характеръ коммуникаціонныхъ линій.

Обращаясь къ передвиженію войскъ по желѣзнымъ дорогамъ въ собственной странѣ, нельзя не замѣтить громадной важности этого средства сообщенія и настойчивой необходимости возможно основательнѣе ознакомить съ нимъ войска. Отъ этого получится двойная выгода: 1) нужда въ быстромъ передвиженіи не застанетъ врасплохъ; 2) получится вѣрное, а не преувеличенное понятіе о степени ускоренія передвиженія. Въ настоящее время весьма многіе ожидаютъ отъ желѣзныхъ дорогъ гораздо болѣе, нежели они дать могутъ: за этимъ таится въ будущемъ много ошибочныхъ расчетовъ и грустныхъ разочарованій.

Какъ бы то ни было, безусловные расчеты въ примѣненіи ко всякъ вообще линіямъ желѣзныхъ дорогъ совершенно невозможны: на иной сѣть, повидимому, всѣ средства для самой безостановочной перевозки (достаточный подвижной и личный составъ, два рельсовыхъ пути и пр.), во кѣтъ по дорогѣ достаточно воды, и всѣ расчеты рушатся въ прахъ. Поэтому-то и необходимо ознакомиться съ перевозкою значительныхъ массъ войскъ *изъ практики*, не безусловно полагаясь на одни умозрительные расчеты. Перевозка прусскаго гвардейскаго корпуса показала это довольно осязательно: на разстояніи въ 400 верстъ она потребовала безъ малаго десять дней, т. е. передвиженіе было ускорено не болѣе, какъ въ два съ половиною раза только противъ обыкновеннаго походнаго движенія на показанное разстояніе. Результатъ этотъ весьма далекъ отъ теоретическихъ выводовъ относительно возможнаго ускоренія движенія значительныхъ массъ при помощи желѣзныхъ дорогъ.

Этотъ примѣръ наводитъ и на другое заключеніе: *перевозкою по желѣзнымъ дорогамъ достигается въ особенности сосредото-*

(*) Слѣдъ, находящихся не подъ непосредственнымъ натискомъ непріятеля.

тченіе значительныхъ массъ пѣхоты; кавалерію же и артиллерію при малѣйшей возможности предпочтительнѣе вести обыкновенными походами, въ особенности если разстоянія не очень велики.

Телеграфы. О военно-походныхъ телеграфахъ можно сказать то же, что сказано о желѣзныхъ дорогахъ: въ дѣлѣ передачи приказаній они были болѣе коммуникаціоннымъ, нежели операционнымъ средствомъ, ибо служили для связи главныхъ квартиръ съ постоянными линіями (*) гораздо болѣе, чѣмъ для передачи приказаній въ войска.

И это опять понятно, вслѣдствіе того же свойства, присущаго телеграфамъ даже въ большей мѣрѣ, нежели желѣзнымъ дорогамъ: сокращая разстоянія, обезпечивая сообщенія отъ случайностей, сами они имъ подвержены въ сильной степени. На войнѣ трудно ввѣряться средству, которое такъ чувствительно, что первый не только злонамѣренный, но даже просто невнимательный человѣкъ легко можетъ его повредить. Поэтому въ прусской арміи предпочитали придерживаться въ дѣлѣ передачи операционныхъ приказаній стараго, сравнительно медленнаго, но вѣрнаго средства—черезъ ординарцевъ.

Итакъ, въ этомъ отношеніи война не измѣнила свойствъ перечисленныхъ элементовъ, хотя и показала, какую громадную пользу приносятъ они въ рукахъ людей, которые заблаговременно подумали о томъ, чтобы войска съ ними освоилось.

Мы не перечислили и малой доли тѣхъ усовершенствованій, которыя будутъ вызваны быстрыми успѣхами огнестрѣльнаго пораженія въ различныхъ родахъ оружія, но, кажется, достаточно обнаружили, что эти успѣхи не умаляютъ, а увеличатъ значеніе человѣка, какъ главнаго орудія на войнѣ: ибо большія трудности въ бою могутъ быть воздвигнуты только умомъ и побѣждены только тѣмъ же умомъ, настойчивостію, энергіею, и ничѣмъ болѣе. Въ настоящее время, къ несчастію, слишкомъ сильно начинаетъ распространяться мысль, будто человѣкъ можетъ замѣнить себя машиной—опасная мысль, которая можетъ повести къ тому, къ чему она уже повела разъ, въ эпоху паденія Римской имперіи... Машина дополняетъ человѣка, но замѣнить его не можетъ; мало того: она и пользу-то

(*) Т. е. съ тыломъ.

свою всю можетъ принести только въ рукахъ человѣка, у котораго голова и сердце въ порядкѣ.

Поэтому будетъ великою ошибкою, если, увлекшись усовершенствованіями въ оружіи, забудутъ, что *лучшее* оружіе требуетъ и *лучшаго* человѣка, т. е. болѣе развитаго, болѣе упругаго, поставленнаго въ возможно-лучшія матеріальныя условія въ содержаніи и особенно къ снаряженіи. Последнее положительно тяжело во всѣхъ европейскихъ арміяхъ: одинъ тотъ фактъ, что теперь почти вездѣ принято за правило снамать передъ атакою ранцы, ясно на это указываетъ. Тяжесть снаряженія въ особенности ощутительна теперь, когда та *быстрота*, которая прежде составляла особенность дѣйствій людей гениальныхъ (Наполеонъ, Суворовъ и пр.), начинаетъ обращаться какъ бы въ методъ, ибо всѣ понимаютъ громадныя преимущества, ею даваемыя, и стараются прибѣгать къ ней.

Поэтому на облегченіе ноши солдата должно быть обращено особенное вниманіе. Нѣкоторые изъ прусскихъ офицеровъ склонялись послѣ кампаніи въ пользу того мнѣнія, что можно бы отмѣнить ранцы, и едва-ли такое мнѣніе позволительно отнести сразу къ числу парадоксальныхъ. Въ пользу его говоритъ тотъ фактъ, что нѣкоторые полки, потерявшіе свои ранцы подъ Траутенау, не ощущали отъ недостатка ихъ особеннаго лишенія въ продолженіе остальной части кампаніи. Сколько можно судить, вообще въ снаряженіи солдата сдѣловало бы избѣгать предметовъ, которые, не принося ему никакой непосредственной пользы, играютъ только одну роль—роль чехловъ для скуднаго его имущества. Въ пользу попытки отмѣнить ранцы немалое свидѣтельство представляютъ также и наши послѣднія дѣйствія въ западномъ краѣ, въ продолженіе которыхъ отряды ходили безъ ранцевъ, несмотря на то, что отправлялись въ экспедиціи иногда на довольно продолжительное время. Мнѣ кажется, что лишняя пара сапоговъ, сухари, одна или двѣ перемѣны бѣлья и еще нѣкоторыя мелочи—вовсе не такія громоздкія и дорогія вещи, чтобы для нихъ была надобность въ особомъ чемоданѣ, который самъ по себѣ вѣситъ довольно много (*) и, главное, располагаетъ къ усложненію солдатскаго снаряженія прибавкою къ нему вещей, которыя по мирному разсужденію какъ будто и необходимы, а по во-

(*) Въ тяжести, которую приходится иногда тащить по 40 верстъ въ дѣнь, и лишній золотникъ много значить.

енному положенію никуда негодны. Отмѣна ранца поставила бы и солдата въ невозможность таскать съ собою всякую необходимую дрянь, къ чему онъ расположенъ въ весьма сильной степени—фактъ, извѣстный всякому, кто близко съ нимъ знакомъ.

Обратимся къ прусской арміи и укажемъ на нѣкоторыя особенности ея, невошедшія въ предшествующее изложеніе. Въ началѣ было сказано, что прусскій солдатъ несетъ лишенія бодро и съ самоотверженіемъ; но молодость и непривычка къ продолжительнымъ маршамъ берутъ свое, что и отражается большимъ процентомъ убыли. Во II арміи, напр. изъ 125,000 начавшихъ войну, дошли къ Дунаю около 95,000. Такъ какъ потеря этой арміи въ дѣлахъ не превосходитъ 9,000, то оказывается, что 21,000 осталась въ тылу.... Вся же кампанія продолжалась съ 27-го іюня по 22-е іюля, т. е. безъ малаго мѣсяца. Даже и допуская, что часть этой цѣпы пошла на обезпеченіе тыла, все же остатокъ представить довольно сильный процентъ.

Отличительную черту образа дѣйствій прусаковъ въ эту кампанію составляетъ страсть къ охватываніямъ, стратегическимъ и тактическимъ. До такой степени были часты эти охватыванія, что они располагаютъ думать, не возведетъ ли у прусаковъ подобный обзоръ дѣйствій на степень *лучшаго*. Противъ австрийцевъ онъ былъ дѣйствительно таковымъ; вопросъ въ томъ, сдѣловательно, будетъ ли онъ измѣненъ съ перемѣною противника. Правда, прусскіе военачальники понимаютъ прекрасно, что «нужно мѣнить тактику каждые десять лѣтъ» (*); но человѣкъ такъ склоненъ считать за лучшее то, что ему разъ удалось....

Прусская армія не привычна къ бивуачной жизни и не любитъ ея. При малѣйшей возможности предпочитались квартиры; случалось, что отряды, выдвинутые съ квартиръ на позицію, въ ожиданіи непріятеля, вереть на 14, возвращались ночью опять на эти квартиры. Бивуачныя ссорки, въ родѣ возведенія шалашей, неизвѣстны прусакамъ; только къ концу кампаніи они начали получать къ этимъ ссоркамъ нѣкоторый навыкъ. Австрийцы, напротивъ, чрезвычайно ловки въ

(*) Выраженіе Наполеона I, который первый это сказалъ, и однако же достигалъ тактикъ своихъ войскъ обратясь въ рутину, на что и былъ наказанъ маршаломъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ 1815 г.

бивуачныхъ возведеніяхъ: на оставленныхъ ими бивуачныхъ мѣстахъ случалось встрѣчать чуть не цѣлые содоменные города, устроенные съ замѣчательнымъ искусствомъ. Шалаши ихъ, обыкновенно обитіе на цѣлую часть, въ длину иногда шаговъ до 30 или 40, представляютъ навѣсы аршина въ полтора вышины, состоящіе или изъ одной наклонной стѣны, подпертой стойками, или же изъ вертикальной и потолка. Нѣсколько жердей служатъ остовомъ подобной постройки. Солома для нея — исключительный матеріалъ: ею связываютъ жерди, ею кроютъ, и она же замѣняетъ шарниры для дверей въ шалашахъ начальниковъ. Какъ ни хороши подобныя постройки, но, не говоря уже объ истребленіи хлѣба, онѣ и тѣмъ не легки, что отнимаютъ слишкомъ много времени отъ отдыха солдата, слѣдовательно едва ли возможны при маломальски продолжительныхъ, хотя бы и не форсированныхъ, движеніяхъ. Это прямо указываетъ на великую пользу и необходимость въ войскахъ переносныхъ шатровъ французскаго образца, при которыхъ солдатъ, по приходѣ на ночлегъ, получаетъ кровь чрезъ двѣ, много три минуты. Принятіе ихъ будетъ однимъ изъ крупныхъ гигиеническихъ улучшеній (*).

Порядокъ сторожевой службы у прусаковъ представляетъ особенность, заслуживающую подражанія: непосредственно за цѣпью, на каждой изъ дорогъ, ведущихъ со стороны непріятели, располагается *опрашивающій постъ*, изъ 4 или изъ 5 человекъ, которые поочередно препровождаютъ немедленно на пикетъ одиночныхъ людей, подходящихъ со стороны непріятели. Пары цѣпи, стоящія не на дорогахъ, никого не подпускаютъ, направляя къ опрашивающимъ постами. Благодаря этому, передъ цѣпью труднѣе можетъ произойти то опасное свопленіе людей непріятельскихъ, которое нарочно иногда было устраиваемо для того, чтобы неожиданно снять цѣпь.

Въ гибкости уставныхъ формъ противники были одинаково равны: не терялись войска отъ того, если не только 3-й баталіонъ попадалъ, напримѣръ, правѣе 1-го или 2-го, но даже если въ одномъ и томъ же баталіонѣ и роты приходились не по порядку номеровъ: не терялись потому, что были такъ приучены и въ мирное время.

Заключаю очеркъ кампаніи тѣмъ, что не разъ говорить, и не разъ, вѣроятно, долженъ буду еще* сказать: усовер-

(*) У насъ они приняты.

шенствованное вооруженіе, хорошій планъ, знаніе войсками техники дѣла, значать, конечно, очень много, но значать не болѣе, какъ нули, когда дѣлѣ ихъ стоитъ единица: они увеличиваютъ *количественное*, но не *качественное* значеніе ея; сами же по себѣ ничего не значать. Эта единица въ военномъ дѣлѣ, какъ во всемъ и всегда, человекъ. Тамъ, гдѣ онъ энергиченъ, дѣло онъ не находится подъ нравственнымъ гнетомъ известнаго склада отношеній, или подъ умственнымъ — известнахъ теорій — дѣло пойдетъ хорошо; если техника и хорошее оружіе есть — пойдетъ притомъ и легко; если то и другое не исполнѣе удовлетворительно — *пойдетъ трудно*, *съ большими потерями*, но все же *пойдетъ*.

Тамъ же, гдѣ человекъ прѣтвѣтъ всего бояться, гдѣ его энергія притуплена, нравственная самостоятельность преслѣдуется какъ нечто вредное, тамъ *не* по необходимости будетъ бояться и непріятели: не на столько, можетъ быть, чтобы бѣгать отъ него при первой стычкѣ, но на столько, чтобы носить вѣчно въ себѣ язву нравственнаго убѣжденія въ невозможности его побѣдить.

При такомъ состояніи нравственной стороны никакое совершенство оружія и техники не поможетъ, ибо то и другое *помогаетъ преодолевать препятствія на пути къ известной цѣли*, но не учитъ *задаваться этою послѣдствіемъ рѣшительно и безвозвратно*. Послѣднему выучить нельзя: послѣднее дается только выработкою личной энергіи солдатъ и начальниковъ; безъ нея усовершенствованное оружіе будетъ болѣе вредно, нежели полезно, ибо поведетъ только къ тратѣ патроновъ, болѣе быстрой и безтолковой, чѣмъ при прежнемъ оружіи; совершенство въ технике будетъ болѣе вредно, нежели полезно, ибо она, уча преодолѣвать препятствія, въ то же время показываетъ и всю ихъ силу, т. е. людямъ нервнѣйшимъ доставляетъ только благовидные предлоги къ оправданію недостатка рѣшимости. Мало того: она ведетъ къ истощенію силъ арміи, ибо упражненія въ формахъ дѣйствія поведутъ къ изысканію формы совершеннѣйшей, т. е. практической-нелѣпой (*); пониманіе важности хорошо соображеннаго плана — къ непрерывнымъ измѣненіямъ разъ принятаго, т. е. къ невозможности на чемъ-либо

(*) Брѣвданный строй съ непрерывной свѣлой линіей обратился въ такую форму у австрійцевъ.
шлюссъ.

остановиться (*). Австрійцы приготовили себѣ превосходно возможность дѣйствовать по нѣсколькимъ направленіямъ — и ни однимъ не воспользовались именно вслѣдствіе недостатка рѣшительности, находящаго себѣ такое удобное оправданіе въ стремленіи къ *лучшему*, которое, какъ уже извѣстно, всегда врагъ *хорошо*. Пруссаки рѣшались иногда неловко, но рѣшались не колеблясь — и благодаря преимущественно этому остались побѣдителями.

(*) Начало кампаніи, рѣшившее все, носитъ именно этотъ характеръ.

М. Драгомировичъ.

